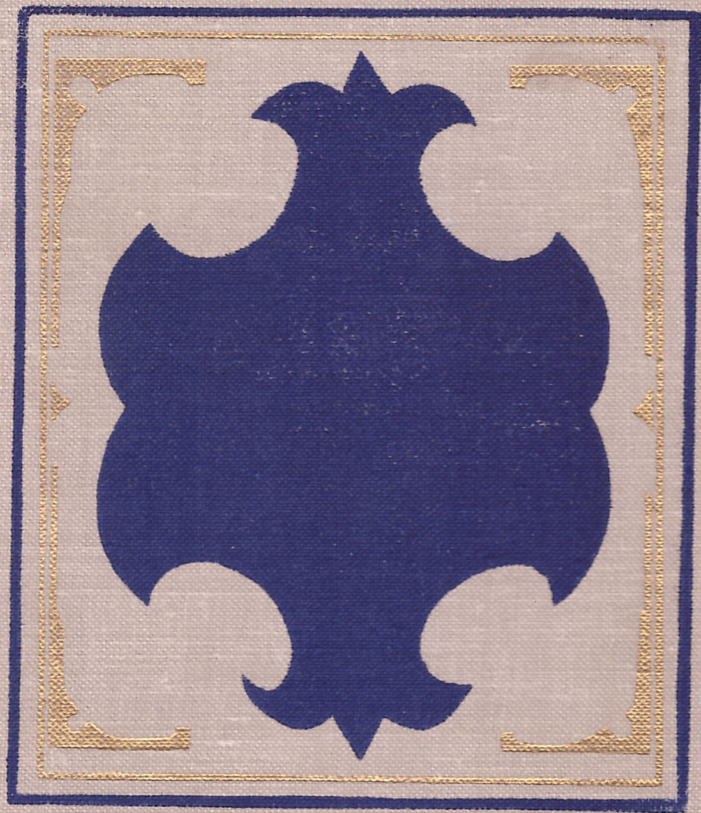


CC1003)

A13



ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЖАЗУШЫ“

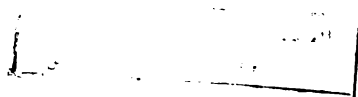


АБАЙ

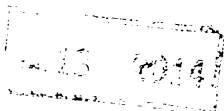
Перевод с казахского
С. САНБАЕВА

~~41886~~

41886 ОЗ



АЛМА-АТА
1970



Один из первых деятелей казахского просвещения, пламенный борец за культуру и свободу, поэт и мыслитель, Абай Кунанбаев был духовным оком своего народа, мыслил и чувствовал вместе с ним, верил в его светлое будущее.

Он стал выдающейся фигурой всего Востока. Творения Абая, не оцененные современниками, стали теперь достоянием всей братской семьи народов Советского Союза, всего человечества.

Наследие великого Абая — вершины казахской классической поэзии — огромно.

Важное место в нем занимают «Слова назидания», представляющие собой философско-моралистические, общественно-политические и обличительно-сатирические высказывания поэта. Это плод многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов Абая. Тщательная стилистическая отделка, образный, точный язык, искренность поэта, его человечность, высокая устремленность, могучая мудрость, ставят «Слова назидания» в ряд гениальных литературных памятников человечества.

Исключительный знаток восточной поэзии, Абай взял все лучшее от многовековой культуры казахского народа, обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской, а через нее и западноевропейской культур. Он был певцом свободы и дружбы между народами.

Эта книга является первым полным изданием на русском языке «Слов назидания».

ПЕРВОЕ СЛОВО

Хорошо ли я прожил до нынешнего дня. Плохо ли, но пройдено немало. Всего было вдоволь в этой жизни: и споров, и тягостных пересудов, и борьбы, и недостойных ссор... Но вот, когда уже виден конец пути, когда обессилел и устал душой, я убеждаюсь в бесплодности своих благих стремлений, в суетности и бренности человеческой жизни.

И терзает мысль: чему же посвятить остаток дней своих? Чем заняться?

Попытаться облегчить страдания народа? Невозможно. Народ неуправляем. На это идет только тот, кому судьбой уготованы людская неблагодарность и проклятия, или молодежь, чье сердце горячо и не изведало еще горечи поражений. Меня же, знающего эту истину, сохрани аллах от искушения.

Может быть, умножать стада? Не хочу. Пусть дети, если им надобно, разводят скот сами. Было бы грешно тратить последние силы на то, чтобы облегчить существование воров, лиходеев и попрошаек.

Постигать науки и дальше? Не получается. Некому передавать свои знания, как не у кого и

взять их. Что толку сидеть в пустыне, разложив дорогую ткань и держа в руках аршин? Когда не с кем поделиться своим горем или радостью, то и сама наука оборачивается тягостью: быстрее старит человека.

А может, посвятить себя богу? Не выходит. Для веры прежде всего нужен покой. Откуда взяться благочестию, когда ни в чувствах моих, ни в повседневной жизни нет успокоения и в помыслах? Эта земля не терпит богомольцев.

Заняться воспитанием детей? Не могу. Воспитывал бы, если б знал, как и чему их учить, и нужно ли это вообще народу, который я вижу сегодня. Не представляю будущего детей, достойного применения их образованию и силам, потому не мыслю и пути воспитания.

Наконец решил: возьму в спутники бумагу и чернила и стану записывать все свои мысли. Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое слово и он перепишет его для себя или просто запомнит; а если нет — мои слова, как говорится, останутся при мне.

На этом я остановился, и нет у меня иного занятия, чем письмо.

ВТОРОЕ СЛОВО

В детстве я не раз слышал о том, как казахи, увидев узбеков, смеялись над ними: «Ах вы, широкополые, с непонятной трескотней вместо че-

ловческой речи! Вы не оставите на дороге даже охапки перегнившего камыша! Вы, принимающие ночью куст за врага, на глазах лебезите, а за глаза поносите людей. Потому и имя вам «сарт», что означает громкий стук или треск».

Смеялись казахи и над ногами — татарами. «Эй, татары, боитесь вы верблюда, верхом на скакуне устаете, отдыхаете, когда идете пешком. Ловкость у вас медвежья, и не ногаи вам имя, а нокаи — несурзные. Потому, наверное, только и видишь вокруг: солдат — татарин, беглец — татарин, бакалейщик — татарин».

Смеялись и над русскими. «Рыжие делают все, что им взбредет на ум. Увидев в бескрайней степи юрты, спешат к ним сломя голову и верят всему, что им скажут. Просили даже показать «узун-кулак», а попробуй увидеть глазами, как о тебе узнали на другом конце степи...»

Я радостно и гордо смеялся, слушая эти рассказы. «О аллах,— думал я в восторге,— никто, оказывается, не сравнится с моим великим народом».

Теперь я вижу, что нет растения, какое не выращивал бы сарт, нет вкуснее плода, чем в саду у сарта. Не найти страны, где бы не побывал сарт, торгуя, просто нет вещи, которую бы он не мог смастерить. В городе недосуг следить за делами друг друга, поэтому они и дружнее нас. Раньше ведь они и одевали казахов. Даже саваны для покойников мы брали у них, отда-

вая взамен скот, ради которого глупо убивали друг друга. Когда же пришли русские, сарты опять опередили нас, переняв у русских их мастерство. И богатство, и набожность, и сноровка, и учтивость — все теперь у сартов.

Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных наших богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами!»

О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислугой.

Куда исчезло наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превосходства над нашими соседями? Где мой радостный смех?

1 8 9 1

ТРЕТЬЕ СЛОВО

Почему казахи смотрят друг на друга волка-ми? Почему у них нет сопереживания за родичей, нет правдивости? Откуда, когда вошли в кровь гордого степняка праздность и ленность?

Великие мудрецы давно заметили: каждый лентяй труслив и безволен; безвольный же человек всегда хвастлив; хвастливый кроме трусости еще и глуп; а глупый всегда невежествен и бесчестен. Из бесчестных выходят жадные, неживчивые и бездарные существа, никому не нужные на свете.

Вот так получилось и с нами. И причиной этого — отстранение от земледелия, торговли, ремесла и науки. Мы только и думаем, как бы увеличить свои стада и табуны, обеспечить скотом не только самих себя, но и детей. Когда же это удастся, стада передаются пастухам, а мы, новоявленные богачи, лишь едим до отвала мясо, досыта пьем хмельной кумыс, забавляемся красавицами, наслаждаемся бегом скакунов. Если зимовки становятся тесными, начинаем торги с соседями или борьбу: в ход идут кляузы, взятки, кровная месть. Пострадавший же теснит другого соседа.

И однажды черной песнью родилась мысль: пусть народ беднеет все больше, ибо, чем больше бедняков, тем дешевле их труд, тем просторней пастбища и беззащитней зимовки. Мы мечтаем об обнищании соперников, те хотят, чтобы разорились мы. Так скажите мне, разве возможно нам желать добра друг другу?

Мы стали враждовать, драться, разделились на группы, и чтобы отстоять свои богатства и пастбища, начали грызться за власть. Никто не

остался в стороне от этой круговерти. Люди не покидали родные края, чтобы научиться незнакомому ремеслу, не возделывали полей, не стремились извлечь пользы из торговли. Торговали лишь собой, примыкая то к одной, то к другой партии. Воры не переводились — они были нужны для ссор. Зато на лучших людей возводились наветы, против них возбуждались уголовные дела, подбирались лжесвидетели. И все это делалось для того, чтобы преградить путь к власти честным. Оклеветанный и униженный, кто-то из них обращался за помощью к сильным мира сего, и тогда степь теряла еще одного честного сына. Более гордому выпадал один путь — коротать свои дни в темнице.

Волостные правители добивались своего положения хитростью и коварством и поддерживали неправых, ибо с подобными себе лучше дружить, чем враждовать. Хитрость беспредельна — не определить, кто кого обманет завтра.

Сейчас в ходу пословица: «Не по делу суди о человеке, а по его мыслям». Выходит, люди уверовали, что ничего нельзя достигнуть честным трудом, но все можно добыть обманом.

Где первопричина этой беды?

На три года выбирается волостной. Первый год пролетает в легких обидах людей, избравших его, во взаимных упреках и заигрываниях. Второй год проходит в борьбе управителя с кандидатом на его место: нужно попробовать побе-

дить его еще на дальних подступах к выборам. Третий год тянется в посулах, ибо каждый надеется остаться на месте правителя и на следующий период.

Я вижу, как в этой сутолоке мой народ мельчает с каждым годом и становится все более безнравственным.

Тяжело смотреть на него.

Почему бы, например, не избирать волостного из людей, получивших образование на русском языке? Если же таковых нет, то пусть волостной будет назначен уездным начальником или даже самим военным губернатором. Меньше станет брожений. Хорошо бы и судей не избирать, а назначать, чтобы они не оглядывались на каждом шагу на степных воротил. Меньше бы стало наветов.

Бии—степные судьи—уже потому несут вред, что ими начисто утеряны хорошие дедовские традиции. Не каждый бий помнит сейчас «старые истины», завещанные Есим-ханом, или «светлый путь», проторенный Касым-ханом, или «семь сводов законов», оставленных мудрым Тауке. А ведь еще нужно знать, что в их законах и правилах устарело, не отвечает духу времени, мешает новой жизни. Где нам найти мудрых биев? Их почти нет.

Деды наши не зря говорили: «Там, где сходятся два бия, рождаются четыре спора». Смысл этих слов заключается в том, что четное коли-

чество биев никогда не придет к единому мнению. Думается, лучше из каждой волости избирать по три бия. Избирать самых достойных, и на постоянный срок. Тогда замена любого из них будет событием и напоминанием о справедливости для остальных. Но бии не должны непосредственно сами решать тяжбы. Я мыслю так. Ссорящиеся стороны выбирают себе по одному защитнику, к ним присоединяется посредник, и эти трое ведут конкретное дело. В случае, если дело не будет решено, на помощь им приходит один из биев, которого, скажем, можно выбрать по жребию.

Не решились ли бы таким способом многие споры нашей жизни?..

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Давно замечено, что смех подобен опьянению. Глупый смех — признак беспечности, и от него так же болит голова, как и от болтовни захмелевшего. Беспечность приводит к разорению, оскудению ума и неблагоприятным поступкам. Думаю, что люди, которые предаются глупому смеху, бывают одинаково несчастны и на этом и на том свете.

К достатку ведут разум и собранность, а люди, обладающие этими качествами, как прави-

ло, иного склада. Это, конечно, совсем не означает, что нужно всегда быть печальным, предаваться горьким мыслям или остро переживать каждую неудачу. Такой груз непосилен для человека. Просто необходимо забываться в разумном труде, а не в пустом смехе.

Разные есть люди, и для тех, кто замыкается в своем горе, бьется в печали, словно в плену,— груд тоже является единственным спасением.

Не радуйтесь дурным поступкам людей. Вы увидели несчастье, и пусть ваш смех будет горьким. Горький смех всегда короток.

Радуйтесь, когда человек совершает хорошее дело, ибо вы увидели добрый пример. Смысл содеянного этим человеком сам определит, сколько вы будете смеяться.

Но есть смех, от которого я хочу предостеречь всех. Он рождается не в груди, идет не от сердца, а изменяет лишь лицо. Он бывает красив и звучен, этот деланный смех, и многолик. Гоните его от себя, люди!

Человек приходит в жизнь с плачем, умирает сердясь. Не зная, в чем счастье, люди унижают жизнь пустыми делами. Они преследуют друг друга, хвастают друг перед другом, копят богатство, а когда наступает последний час, готовы отдать все нажитое ими за день жизни. Почему же прозрение приходит к людям так поздно?

Почему бы с самого начала не поверить в

свою судьбу и не заниматься трудом. Тогда самая скудная земля одарила бы нас своими плодами. Ведь в этом ее назначение.

ПЯТОЕ СЛОВО

Когда грудь полна печали, человек не владеет собой. Языком — тем более.

Я видел казахов, которые умоляли: «О аллах! Сделай нас беззаботными, как младенцев». Почему взрослость обернулась для казахов тяжестью? Какая забота согнула их?

Горе их можно узнать по нескольким пословицам. Вот они: «Если жить тебе полдня, запасись едой на день», «Бедному и родной отец — обуза», «Человеку скот дороже жизни», «У имущего лик светел, темен он у нищего», «Храбрец и волк сыты в пути», «У щедрого нет врагов», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Прав тот, кто владеет добычей», «Кто не почитает богача, тот отвернется и от бога», «Если голоден, скачи в дом, где идут поминки», «Не живи у озера, где нет рыбы, не живи в ауле, где не знают милосердия».

Разве говорится в этих пословицах о мире, науке, знаниях и справедливости?

Кто уверен, что из-за скота подобные люди не обворуют даже родного отца?

Так чем же взрослый мудрее младенца?

Ребенок боится огня, а взрослому, выходит, не страшна и божья кара. Дети, когда им стыдно, готовы провалиться сквозь землю, а взрослые, насколько я знаю, в такие минуты даже глаза не прячут. Они готовы отречься от тебя, если ты будешь отличатся от них. И это мой народ, который я люблю и к сердцу которого ищу тропу...

ШЕСТОЕ СЛОВО

У казахов бытует пословица: «Начало искусства — в единении, начало достатка — в жизни».

Но что такое единение и когда рождается согласие?

Казахи полагают, что единство — это общность имени, пищи, одежды, достояния. Но если так, то какая польза от богатства и какой вред от бедности? Если у тебя достаток, с тобой охотно объединятся не только родичи, но и чужаки, иноверцы. Люди перестанут искать хлеба на стороне. Зато начнут соперничать, когда запахнет первой неудачей, выпячивать свои заслуги и права, а потом и обманывать друг друга. Какое же это единство? Нет, возможно единство разума, но не достояния.

«Начало достатка в жизни»... Уточним, ка-

кая это жизнь? Плотская? Та, что называется жизнью в теле и обусловлена едой и усвоением пищи? Но она превращает человека в животнолюбца, заставляя пуще всего бояться смерти. Спасая свою жизнь, он готов бежать от врага и получить славу предателя, избегая труда,— стать лентяем.

Есть стихи:

Лишь тунядец и нахал
Готовой пище рад всегда.
Хоть с виду ловок, мразь душой —
Ведь жить привык он без стыда.

Лучше умереть, чем влачить такое существование!

Качества духовные — вот что главное в человеческой жизни. Живая душа и отзывчивое сердце должны вести человека, тогда и труд его осмыслен, и достаток уместен.

СЕДЬМОЕ СЛОВО

С самого рождения жизнь ребенка складывается из двух различных побуждений.

Одно — это потребность есть, пить и спать, без чего тело ребенка не сможет стать приютом души, не будет расти и крепнуть.

Второе — желание знать. Дитя стремится ко всему, что видят глаза и слышат уши: тянется к

блестящему предмету, пробует его на ощупь и на вкус, ищет сближения с думброй или свирелью, услышав их необычные звуки. Подрощи, он интересуется уже абсолютно всем: услышит ли лай собаки или звуки вечернего аула, смех или плач людей. Ребенок становится беспокойным. «Что это такое?», «Почему так получается?», «Зачем это делают?» От вопросов ребенка теряют покой взрослые.

Человек утверждаетя на земле, постигая тайны явлений природы или делая определенные предположения на этот счет. Это отличает его от животного, выдает его душу, говорит о разделении разума и воли.

Но почему, вырастая, мы теряем это высокое стремление познавать мир? Почему мы точно так же, как в детстве, не забываем о еде и сне, когда нас интересует что-то неизвестное? Почему не идем за теми, кто создает науку и открывает неведомое?

Мы должны были расширять свой кругозор, умножать сокровища, с невероятным трудом накопленные на первых порах жизни. Жажда знаний владела нами, и надо было все остальное тоже подчинить высоким порывам души. Но мы не смогли этого сделать. Мы шумели и галдели, словно воронье, и не пошли дальше аульных распрей. Мы приземлили наши души, перестали верить своему чувству, странно довольствовались созерцанием, не вникая в сущность

явлений. Оправдывались тем, что с другими, жившими подобно нам, не случилось еще ничего страшного. Со временем на разумные укоры у нас появились готовые доводы: «Твой разум для тебя, а мой — для меня», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, но своим умником», «Каждому свое»...

В груди не стало тепла, а в сердце — веры.

И далекие дни детства представляются сейчас еще более прекрасными. То было утро, и мы были детьми людей и стремились познать окружающее. Теперь мы взрослые. Но чем мы лучше животных, которые видят мир и не понимают его? Мы тоже ничего не знаем, однако дорожим своим невежеством, мы хотим жить, но деремся друг с другом и обнажаем для ударов свои вены.

ВОСЬМОЕ СЛОВО

Кто из нас способен последовать мудрому совету? Кто готов прислушаться к наставлению?

Бий и волостной глухи.

Они бы не стремились к власти, если б ценили мудрость и хотели набраться ума-разума. Но нет, — они считают себя верхом совершенства и уверены, что вправе учить людей. И, конечно, бию и волостному тут на руку их власть.

Став великими, теперь, как они полагают, им остается сделать великим свой народ. Разве могут они позволить себе прислушаться к советам других, да и где они выкроют для этого время?

Положение обязывает их не попадать впро�ак перед начальством, не обострять отношений с аульными смутьянами, не допускать в народе брожения. И всегда надо кому-то покровительствовать, кого-то спасать, а кого-то и брать в ежовые рукавицы. Разве это легко?

Нет, избранники народа слишком заняты.

Богачи считают себя владыками по меньшей мере половины мира. Взгляд их не опускается на землю, помыслы витают еще выше. По их мнению, все можно купить за скот. Даже бога можно соблазнить дарами. Честь, бесчестье, разум, наука, вера, народ для них не дороже скота. Разве прислушаются к добрым советам подобные люди?

Нужно пасти и поить стада, оберегать их от лиходеев, волков и непогоды. Для этого требуются честные и добросовестные пастухи, а таких и днем с огнем не сыщешь.

Нет, богачам тоже некогда.

И, конечно, не прислушаются к твоим советам воры, злодеи и мошенники.

Остаются бедняки, которые еле сводят концы с концами. Как будешь досаждать им необходимостью овладевать знаниями, когда они видят великий пример дурости волостных, биев,

богачей? Ведь бедняку и без того хватает печали и горя, с которыми не знакомы эти прохвосты.

1 8 9 2

ДЕВЯТОЕ СЛОВО

Странно отношусь я к своему народу. Не пойму, питаю к нему неприязнь или люблю?

Если б любил, то без малейшего сомнения одобрял бы его поступки и среди всех черт нашел хоть одну, достойную похвалы. Моя любовь не давала бы погаснуть вере, будто мои соплеменники обладают качествами, присущими великому народу. Но нет у меня этой веры.

А если бы не любил, то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им свои сокровенные мысли. Просто не мог бы общаться с ними, и не было бы мне дела до того, что среди них происходит. Откочевал бы, чтоб с глаз долой. Но не смог я сделать и этого.

Напрасно, видимо, я считаю себя земным жильцом. Здоровый телом, я кажусь себе мертвым и не знаю, какова причина опустошения души: то ли досада на свой народ, то ли неудовлетворенность собой, или еще что-то. Я мертв духом. Сержусь, но в груди не рождается гнева,

смеюсь, но сердце не задыхается от радости; разговариваю, а слова кажутся чужими.

В юности у меня и в помыслах не было бросить свой народ и уехать куда-нибудь: я любил его и верил в него. Теперь я в совершенстве узнал казахов и не вижу впереди просвета. Но оказалось, у меня не стало и сил, чтобы уехать на чужбину и начать новую жизнь. Впрочем, к чему эта попытка?

Может, оно и лучше, когда прошлое не вызывает даже печали: последние дни все же удастся прожить, уповая на будущее, надеясь на чудо.

ДЕСЯТОЕ СЛОВО

Люди молят у аллаха детей. Они хотят, чтобы дети кормили их под старость, молились за них, не дали погаснуть очагу. Справедливы ли эти желания?

Не дать погаснуть очагу...

А может быть, люди боятся за судьбу накопленного ими добра? Мысль о том, что он останется без наследника, а его имущество — без хозяина, наверное, мучила не одного человека. Но к чему заботиться об этом? Зачем перед смертью застилать свои глаза туманом жадности? В народе говорят: «Хороший ребенок — радость, плохой — горе». Знает ли человек, ка-

кого ребенка пошлет ему всевышний? А он просит бога переложить на неокрепшие плечи сына свои муки и несбывшиеся мечты. Выдержит ли сын такую нагрузку?

И так ли нужны молитвы сына?

Если ты при жизни делал людям добро, то и без сына будет достаточно опечаленных твоею смертью, но если тобой содеяно немало зла, то и молитвы сына напрасны. Люди умирают сердясь, значит, они обрекают детей на непосильные дела. На этой земле еще не было случая, чтобы недостойный отец смог воспитать сына великим человеком.

Пустое и то, когда говорят, что сын будет кормить родителей под старость.

Во-первых, надо суметь дожить до старости, а это зависит только от тебя самого. Во-вторых, должна быть уверенность, что сын и вправду будет чтить добрые традиции степняков. В-третьих, кто откажется ухаживать за тобой, если у тебя, дорогой мой человек, полон двор скота?!

И любящий сын не сможет прокормить отца, если он бедствует сам, а ведь есть еще разница между детьми, умеющими добывать хлеб, и детьми, способными делиться с родителями последним куском. Хвала аллаху, если твой сын радеет за неимущих и убогих. А если нет? Возьмешь на себя и грех сына, которого, денно и нощно молясь, выпросил у всевышнего?

Смешны потуги людей.

Сперва они обманывают свое чадо, суля ему то игрушку, то лакомства, и радуются сами, когда удастся этим занять ребенка. Потом заставляют его обзывать своих соседей — недругами ведь раньше становятся те, кто ближе, — и снова радуются. Проходит некоторое время, и люди ищут муллу — наставника, недорого берущего за учебу: им кажется достаточным, если сын научится лишь читать и писать. При этом мальчику вдалбливают в голову, что другие дети желают ему только зла и плетут наговоры. Я бы хотел видеть, какое добро сделает этот парень людям. Не забудьте: его выпросили у аллаха.

Люди жаждут богатства.

Правда, они не молят его у создателя, ибо знают: всевышний наделил их силой, чтобы трудились, и разумом, чтобы овладевали наукой. Но сила не всегда используется для честного труда, а разум часто растрачивается попусту. Достаточно быть благоразумным, уметь искать и работать без лени, чтобы в доме не иссякал достаток. Но люди хотят богатства и идут на угрозы, хитрость, попрошайничество.

И вот повержены честь и человеческое достоинство, и добыто желанное богатство. Используйте же его для получения знаний. Не способны сами, так пусть это сделают ваши сыновья, ибо без науки нет жизни ни на том, ни на этом свете. Без нее ничего не стоят ни молитвы ваши, ни посты, ни паломничества.

Но я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатев, нашел бы потом достойное применение своему состоянию. Быстротечное изобилие, достигнутое гнусными способами, оно оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу.

Я знавал богачей, хваставших тугой мошной, потом встречал их банкротами. Они не забывали былого довольства, но не стыдились ходить и с протянутой рукой.

ОДИННАДЦАТОЕ СЛОВО

Степь заполнили воровство и подстрекательство.

Вор пытается разжиться кражей скота, а богач, как пострадавший, норовит вернуть свое добро с «привесом». Служители правосудия, разумеется, обдирают и истца, обещая возполнить ему убыток, и вора, суля ему свободу. Людям, считающим себя на уме, тоже не хочется упустить кусок. А выбор у них большой: можно, например, донести на вора, можно помочь ему скрыться, а можно и скупить за бесценок краденое.

Воровство процветает на ниве подстрекательства. Смутьяны ужом заползают в дома и подбивают людей на тяжбы. Одним они нашептывают, как стать властителем, другим — как отомстить своим недругам, третьим — как набить

карман. Они не знают стыда и покоя, эти вертихвостки, и сбегаются туда, где пахнет произволом.

Под стать баламутам стоящие у власти. Им уже совсем легко натравливать людей друг на друга и, подобно вампирам, высасывать из них кровь. Они и занимаются этим без зазрения совести.

От всей этой вакханалии томятся простые люди. Они встают стеной за обиженного сородича, сходятся аул на аул, истекают кровью, потом ищут себе союзников, где-то идут против совести, продают честь, жену, сородичей. Со временем и не разобрать, за что они сражались и чем заплатились за это.

Все оказались опутанными липкой паутиной подстрекательства и вовлеченными в воровство и забыли о честном труде. Баи разучились пасти скот, бедняки голодают. Пустыми стали понятия о клятве, дружбе, честности и совести.

Когда же придет конец всему этому? Можно бы пресечь воров, но как укротить богачей, плодящих смутьянов?

ДВЕНАДЦАТОЕ СЛОВО

У нас не повернется язык осудить человека, который совершает то или иное дело, оставаясь благочестивым. Подкупает его чистое, благое

намерение, и мы сожалеем лишь о том, что этот человек не обладает еще и знаниями. Да, мало быть богобоязненным, и хорошо, если бы люди всегда помнили два необходимых условия: первое — это убежденность в могуществе веры, второе — стремление к познанию ее смысла.

Если кто-либо уверовал, что он познал смысл религии и жизни, и перестал учиться, то пусть знает — благочестие его ненастоящее.

Люди же, которые надевают чалму и величают себя поборниками поста и молитвы, считая только это главным в богослужении, достойны уже осуждения, ибо они не думают о возвышении души, а ищут удовлетворения и покоя.

Нет истинной веры без усердия и воздержанности ее слуг, без переживания и борьбы за ее чистоту и возвышенность.

ТРИНАДЦАТОЕ СЛОВО

Быть правоверным — значит верить во всемогущество и беспорочность аллаха и принимать иман как учение пророка о всеединстве аллаха и земного бытия.

Есть два вида служения аллаху.

Первый — когда принимают иман, зная, как защитить и укрепить его разумными доводами.

Это сознательная вера, и осуществляющих ее можно назвать вероисповедателями.

Второй — когда люди становятся богобоязненными со слов муллы или от чтения священных книг. Это слепая вера, и исповедывающих ее основное большинство.

Но истинными верующими, конечно, следует признать тех из них, чьих убеждений не смогут поколебать ни угроза смерти, ни тысячи изощренных доводов тысяч людей. Нетрудно догадаться, что таковые должны обладать бесстрашным сердцем, неукротимым духом, неслабеющими суставами.

А как назвать тех правоверных, которые не посвящены в тайны науки, чтобы проповедывать иман, и не настолько крепки духом, чтобы слепо следовать за верой? Тех, кто выдает черное за белое, а белое за черное и не знает цены клятве? Храни нас аллах от таких! Нет иной веры, кроме сознательной или слепой, и тот, кто извращает иман, пусть знает: его ждет кара. В этом проявится и величие аллаха и доброта пророка.

Пусть же будут прокляты люди, чья правда вмещается в живую пословицу, которая гласит: «Нет клятвы, которую не разрубил бы булат, нет греха, которого не простил бы аллах».

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ СЛОВО

Самое дорогое у человека — это его сердце. У казахов понятия «мужество» и «трусость» родились от слова «сердце». В народе батыра называют «журукти», что означает — жигит с настоящим сердцем, труса кличут «журуксиз», то есть человеком, у которого сердце отсутствует.

Все лучшие человеческие качества, такие, как отзывчивость, сострадание человеческому горю и человеколюбие, — рождаются сердцем. Даже торопливость идет от сердца. И не бывает лжи, когда язык послушен сердцу, а если язык лжет, значит, сердце просто-напросто обмануто.

Человек с настоящим сердцем послушен совету и верен своему слову; он не сможет, подобно собаке, плестись за караваном, а, напротив, способен в самых тяжелых условиях вывести на верный путь заблудших; он готов покориться истине, как бы это ни было для него трудно, и сумеет не склонить головы перед несправедливостью, как бы это ни было легко. Таким видится батыр — человек мужественный и стойкий, не с волчьим сердцем в груди, а с трепетным, человеческим.

Казах тоже человеческое дитя, и ему, как и другим людям, свойственно ошибаться. Но за-

блуждается он не потому, что глуп, а потому, что ему не хватает твердости внять голосу рассудка. Сердце виновато.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло по неразумению. Скорее это случается от слабоволия и пренебрежения к чести. А познав вкус дурного, человек не сразу освобождается от него. Не каждому дано совершить такой подвиг.

Я заметил еще, что жигитов зачастую ввергают в беду, подогревая их громкими кличками: крепкий жигит, храбрый жигит, ловкий жигит... А ведь яснее ясного, что не только настоящим жигитом, а даже просто человеком трудно назвать того, кто потерял честь и не чувствует стыда, кто потерял над собой контроль и совершает подлость.

ПЯТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Разница между умными и глупыми людьми представляется мне своеобразным эталоном для сопоставления противоречивого.

И действительно, умный человек стремится принести пользу людям; уши его открыты советам, а память — кладовая светлой грусти. Он постоянно ищет в мире удивительное, необычное, и дни этих поисков представляются ему по-

том самым прекрасным временем его жизни. Никогда он не жалеет о своем прошлом.

Глупый же никак не найдет своего места в жизни. Он увлекается чем попало, заполняя дни бесплодными, бесцельными затеями. Молодость не вечна, но глупец не думает об этом. Предавшись потехам, он становится ненасытным и однажды, слишком поздно, замечает, что время согнуло его. Вот и получается, что лучшие годы прошли в собачьих хлопотах, а старость омрачена горьким раскаянием.

Соблазн губит человека. Он зажигает в крови огонь страсти, а страсть — это уже болезнь, ибо она опьяняет человека. Глупец, предавшийся страсти, подобен дураку, который, задрав нос, несется без шапки на неоседланном коне, прикрыв его круп полами своего халата.

Умный в это время добивается своего без особого шума, не выставляя себя на посмеище и не теряя головы.

✓ Тот, кто хочет быть в стане разумных, должен раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц отдавать себе отчет: как он прожил эти дни, сделал ли что полезное для народа, не ждет ли его в будущем раскаяние. А может ведь случиться и так, что и вспомнить-то будет нечего.

ШЕСТНАДЦАТОЕ СЛОВО

Казаха не очень-то заботит его непогрешимость перед всевышним.

Он считает достаточным делать то, что делают другие. И вот он падает на колени, творя молитву, встает и снова бьет поклоны. Можете убедиться: он чтит бога.

Интересно сравнить это с его доводами купцу, приехавшему в аул за долгом. «Вот все, что я смог найти,— говорит он,— хочешь — бери, не хочешь — не надо. Не могу же я достать невозможное только из-за того, что задолжал тебе». Подобной хитростью купца, конечно, можно занять, бога — не проведешь. Но какова попытка?

Разгадка же тут более чем проста. Не хочет степняк обременять себя лишними хлопотами, учиться, развивать язык. «Это все, что я знаю,— отчаянно защищается он.— Не могу же я на старости лет переучиваться!» Или с искренним видом утверждает: «Лишь бы не упрекали, что не учен, а в том, что не могу умно говорить, я не виноват. Такой уж у меня язык...»

И между тем прекрасно понимает, что всевышний дал ему совсем не плохой язык, точно такой же, как и всем людям.

Сила, Разум и Сердце поспорили, кто из них полезнее человеку. Убедившись, что не смогут прийти к согласию, они обратились за помощью к Науке.

Послушай, Наука! — сказала Сила. — Ты ведь знаешь, что без упорного труда нельзя достичь ни мастерства, ни богатства. Только я оберегаю от легкомыслия, от позора мелочных, не достойных человека дел, от стремления к легкой наживе. Лишь я не даю им падать духом и возвращаю их на верный путь, когда они даже среди белого дня умудряются сбиваться с него. Послушай, Наука! Работая без усталости и сна, люди овладевают тобой, выходит, своим взлетом ты тоже обязана мне. Работая без усталости и сна, становятся люди слугами господними, выходит, своей жизнью человечество обязано мне. Так скажи, Наука, почему спорят со мной эти двое?..

И заметил тогда Разум:

— Я определяю, что полезно и что пагубно для человека и в земной и в загробной его жизни. Разве не на этом держится вечная жизнь? Люди поступают по моему велению, следовательно, я знаю цену человеческой силе и понимаю язык науки. Как же можно спорить со мной, если без меня люди не ведают, где искать выгоду, как уберечься от беды, каким образом постигать науку?..

Не выдержало Сердце:

— Я — царь жизни! — воскликнуло оно.— Я гоню кровь по жилам, во мне обитает душа, потому и нет без меня жизни! Я отравляю сон сытых, нежащихся в мягкой постели в теплом доме, заставляя их страдать за убогих, голодных и бездомных. Мной держится почтение к старшим и снисхождение к младшим. Я — справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие. Что без меня Сила и Разум? Только люди не способны сохранить меня таким и потому сами становятся разными. Но я — царь жизни! И мое назначение невозможно оспаривать!..

Выслушав всех троих, заговорила Наука:

— Слушай, Сила, все, что ты говорила, — истина. Ты сейчас не упомянула о многих своих достоинствах, в этом тоже проявилась твоя сила. Без тебя немыслима жизнь. Но иногда твои возможности оборачиваются для людей жестокостью. Хватка у тебя твердая, и когда ты сторонник неправды — приходит беда. Много от тебя пользы, но немало бывает и зла.

Послушай, Разум, и ты говорил правду. Нет приобретений без разума. Тебе дано открывать людям тайны природы, жизни, души, верно, что даже о своем создателе люди узнают от тебя. Ты владеешь тайнами бытия обоих миров, но это не удовлетворило тебя, и ты стал плодить хитрость и коварство. Тебе ведомы пути к со-

кровищам обоих миров, и потому на тебя стали опираться и плохие и хорошие люди. И беда в том, что ты с одинаковой готовностью исполнишь желания и тех и других.

Вы просили меня определить, кто из вас представляет для человека бóльшую ценность. Но я не хочу противопоставлять вас друг другу.

Пусть повелителем для всех будет Сердце.

Ты, Разум, многогранен и разнолик, а Сердце не будет следовать за каждым твоим решением. Хорошее оно одобрит и подчинится ему с великой радостью. Плохое не примет, скорее отречется от тебя.

Ты, Сила, могущественна и крута, а Сердце не будет давать тебе воли. Для добрых дел оно не пожалеет тебя, от недобрых удержит.

Соединитесь же вместе, и, как я уже говорила, пусть вами руководит Сердце! Если это произойдет, и вы сойдетесь в одном человеке, то он станет праведником. Пыль с подошв его ног будет исцелять слепых. В этом — в гармонии и чистоте человеческой жизни — и заключается смысл существования великого мира.

Если же вы не сможете объединиться, то я отдам предпочтение Сердцу — царю человеческой жизни.

Так решила спор Наука.

Человеку к лицу справная, чистая и ладная одежда. Плохо, когда он не следит за собой и одежда его грязна и помята, но еще хуже, когда человеком владеет страсть одеваться не по средствам и он кичится своим нарядом.

Есть две категории щеголей.

Одни просто следят за своей внешностью: холят лицо, подрисовывают брови, то и дело подправляют усы и бороду. Они смотрят фертом и, подобно кокеткам, играют глазами и перебирают пальцами.

Другие извлекают из щегольства определенную выгоду. Для них красивое платье и хорошая лошадь — источник существования. Поэтому на выездах и пирах эти франты всегда на виду. Они привычны к похвалам старших и огорчениям сверстников и радуются, когда младшие смотрят на них с завистью.

Все это постыдно и глупо.

Человек не должен увлекаться щегольством, ибо, поддавшись соблазну однажды, он не сможет легко побороть его, а значит, потеряет свой облик. Красивым и сильным делает человека его ум, эрудиция, честь и обаяние. Больше ничто. И глуп тот, кто хочет возвыситься иным путем.

Человек не появляется на божий свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Он постепенно начинает отличать хорошее от дурного, а если ему суждено немало пережить, то он, конечно, и многое узнает.

Человек набирается ума, запоминая слова мудрых. Но любая беседа, какой бы она ни была поучительной, сама по себе ничего не даст. Из услышанного, подобно тому, как очищают зерно от шелухи, надо выделить истину, которую можно употребить с пользой. Так шлифуется разум человека.

Но есть и другая сторона этого процесса.

Если человек кичлив и не переспросит у мудреца непонятное для себя место, или, если он беспечен и, переступив порог, тут же забудет услышанное, то какой толк от того, что он слушал мудрые слова? Он оказался невнимательным и глупым человеком, не способным оценить ум. О таких, наверное, и сказал мудрец: «Чем поучать людей, не понимающих слова, лучше пасти свиней, которые признают тебя».

ДВАДЦАТОЕ СЛОВО

Судьбу, сами знаете, невозможно изменить. И судьбою кроме всего прочего человеку дано пережить и чувство пресыщения. Оно навязчиво, это чувство, и, познавши его раз, уже нелегко от него избавиться. Его можно отбросить, собравшись с силами, но оно обязательно возвратится и в конце концов одолеет тебя.

Нет вещи, которая не надоела бы не только умному, но и сколько-нибудь мыслящему человеку. Все приедается: и пища, и игры, и смех, и похвала, и наряды, и пиры, и друзья, и даже женщины. Во всем человек находит изъян и беспорядочность, и остывает его былое, казавшееся крепким, чувство привязанности. Мир зыбок, ненадежны силы человека, обманчива жизнь. Ни одному живому существу не дано постоянство. Как же после этого можно упрекать в изменчивости человека?

Чаще всего пресыщение мы встречаем у людей умных, перевидавших на своем веку всякое и переживших не однажды горький стыд за ближних. Я думаю, что люди устают от быстротечности счастья. И в такие минуты мне особенно кажется, что судьба глупых и беспечных людей подобна удаче.

От похвал невозможно уберечься.

Одних превозносят за то, что они не хвалятся сами. У этих людей, можно сказать, высокое имя. Они считают себя вне всяких похвал и больше всего заботятся о том, чтобы не прослыть глупыми, легкомысленными, бессовестными, нетвердыми и бесполезными. Они остерегаются прозвищ обманщиков, вымогателей и сплетников, считая носителей подобных качеств низменными людьми, и, конечно, ставят себя выше их. Это свойство умных и совестливых. Для них важно не то, что их не будут хвалить, а то, что не отнесут к разряду ничтожных.

Другие же, наоборот, из кожи лезут, чтобы удостоиться лестных отзывов. Они счастливы, когда их глядят по головке и называют баями, батырами или удалцами. И странно то, что для них не существует плохих эпитетов. Эти люди глухи к ним, даже когда слышат их по своему адресу.

Это и есть настоящая хвастливость, и одержимые ею делятся на три категории.

Первые ищут таких похвал, которые поразили бы и чужаков. Представитель этого рода хвастунов, разумеется, глупец, но при этом все же человек.

Вторые добиваются похвал, чтобы блистать среди своего народа. Мы, безусловно, имеем де-

ло с полным глупцом и далеко не полноценным человеком.

Третьи, подобно крохоборам, наскребают похвалы, которые оценят хотя бы в собственном доме. Эти, несомненно, из породы идиотов.

И вот что еще любопытно. Тот, кто стремится быть заметным в глазах врага, добивается, чтобы его поднял на щит народ. Тот, кто хочет, чтобы его почитал народ, домогается похвал своих соплеменников. А среди близких родственников хвастун сам себе судья и, конечно, вознесет себя до небес.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Кто сегодня среди казахов достоин уважения и любви?

Баев невозможно почитать, потому что их, как таковых, нет. Баи должны быть независимыми, а эти, кого мы сегодня видим, не могут свободно распоряжаться даже собственным богатством. Враждуя с соперником, богач набирает себе сотню жигитов для защиты и платит им за службу скотом. При этом глупо полагает, что поступает так по своей воле. Нет, он не одаривает их по доброте или в благодарность за услугу. Природа богача такова, что он несет в себе смуту и раздоры, плодит проходимцев и рыца-

рей ночи, и в конце концов приходит расплата: богач сам становится их жертвой и униженно раздаривает свое добро налево и направо.

Не осталось и настоящих мурз—потомственных вельмож. Слово «мурза» в народе понимается как «щедрый». Так вот, теперь щедрых не найдешь, а кинешь камень и обязательно попадешь в мурзу, который только и умеет брать и давать взятки. Вот уж поистине: «Берущая рука привыкает и отдавать...»

Нет, и мурзы теперешние не достойны уважения.

Можно бы почитать биев и волостных правителей, но они получили власть не от бога. Они купили ее или выпросили. Как после этого заставишь себя склонить голову перед такими?

Приятно почитать сильных людей, но не стало среди них радеющих за добрые дела. А сильных в дурном хватало во все времена. Разве стоят они человеческой любви?

Хочется уважать умных, но не сыскать в степи благородных и совестливых. А на хитрость и коварство у людей всегда доставало ума. Разве достойны они человеческого внимания?

Уважал бы я невезучих упрямец, убогих и беспомощных, но они не способны сесть даже на лежащего верблюда. А если и найдут силы, чтобы взобраться на него, то, пока верблюд будет подниматься, они сумеют что-нибудь и подцепить.

Остаются хитрецы и мошенники, а они не угомонятся, пока не сведут тебя в могилу. Ты им не нужен.

Так за кого же болеть на этой земле и кого любить?

Выходит, только за кротких, которые следуют пословице: «Жаждающий счастья избегает тяжб». Они терпят неслыханные унижения от воров, лиходеев и плутов, но плохи даже тогда, когда уступают свое кровное имущество. Судьба научила их безропотно отдавать одну половину своего достояния, чтобы спасти вторую. Скромнее их не найти на этой земле, и, может, стоит все же пожелать им благополучия!..

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Есть у человека одна особенная радость и одно утешение, не делающие ему чести.

Радость эта такая: отыщется он в народе скверного человека, увидит чей-то дурной поступок, которого он сам никогда не совершил бы, и чувствует себя на седьмом небе. «Упаси аллах уподобиться такому! — замечает он не без удовольствия.— А ведь он считает себя человеком. Разве по сравнению с ним я не чист?.. Не лучезарен?»

Но разве всевышний сказал ему, что достаточно быть лучше дурного человека? Где та светлая голова, которая убедила его, что он хороший только потому, что на свете есть люди недобрые и глупые?

Когда скакун получает приз на байге, в которой участвовало сто лошадей, то какой толк справляться, скольких он перегнал? Какая радость от того, что за ним пришли, скажем, еще пять или десять скакунов?

Ценность человека определяется сопоставлением его не с плохими людьми, а с лучшими из лучших.

Утешение же он находит в том, что будто бы живет как и другие. «Нет ничего зазорного, если я не выделяюсь среди людей,— рассуждает он с легким сердцем.— Той, который празднуешь со всеми,— самый великий той. Хвала всевышнему за успокоение».

Но разве аллах сказал ему, что довольно, если он не отстанет от толпы? Или поведал ему, будто им, всевышним, толпа не наказуема?

Кто знает: наука движется кем-то одним или она достояние всех?

Кто ответит: разум — совокупность знаний многих или духовная сила одного?

И разве не нуждается заблудшая толпа лишь в одном человеке — ясновидце?

Что легче: когда в доме больны все или половина семьи здорова?

Что лучше в великом походе: когда изнурены лошади всех или когда половина из них принесена в жертву, чтобы остальные продолжали путь?

Лучше, когда от джута разоряется весь народ или какая-то его часть?

Так почему же для глупого должно служить утешением существование безмозглых дураков?

Разве жених убедит невесту, если скажет, что у него дурно пахнет изо рта только потому, что в его роду у всех так пахло?

Вряд ли невеста будет удовлетворена и скажет ему: «Будь как и все в твоём роду, не выделяйся среди них».

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Земной шар населяет сыше двух миллиардов человек, казахи же составляют около двух миллионов¹.

Казахи по-своему стремятся к богатству, овладению ремеслом и знаниями, по-своему дружат и враждуют. У них свои понятия о хвостовстве и силе.

¹ Абай, по-видимому, приводит здесь только численность казахов, населявших бывший Степной край, куда входили территории нынешних Семипалатинской, Кокчетавской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областей, а также некоторые районы Омской области. (Прим. переводчика.)

Всем отличаются казахи от остальных народов: не спуская глаз выслеживают друг друга, не смыкая глаз враждуют друг с другом, обкрадывают самих себя.

А ведь есть на свете города с населением, превышающим три миллиона человек, немало можно найти людей, трижды обошедших всю землю.

Почему нас не интересует жизнь других народов?

Неужели нам суждено вечно быть на ножах друг с другом? Быть посмешищем в глазах всего мира? Или, может быть, настанет день, когда среди казахов исчезнут воровство, ложь, сплетни и вражда, когда казахи научатся копить добро честным путем и усвоят искусство и ремесла других народов, когда они овладеют знаниями?

Не верится в это, когда видишь, как двести человек зарятся на сто голов скота, и знаешь, что они не успокоятся, пока не уничтожат друг друга.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Обучать детей хорошо, но, чтобы они служили своему народу, надо учить их родному языку. На нашей земле это становится почти невозможным. Сейчас люди стараются сперва разбо-

гатель, а потом дать образование детям на арабском и персидском языках.

Голодному человеку нелегко сохранять благоразумие и честь, еще труднее сохранить постоянное стремление к наукам. Бедность и, как следствие, вражда с родичами часто приводят человека к беде: он втягивается в воровство, прибегает к насилию и коварству, привывает к плутовству. Только тогда, когда человек свободен от заботы о куске хлеба, он сам чувствует необходимость знаний и культуры и прививает эту жажду своим детям.

Нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык — значит открыть глаза на мир.

Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если заботы и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне. Такова природа человека.

Но немало людей, которые пытаются добыть с милости сильных и знающих, раболепствуя и пресмыкаясь перед ними. Эти невежды способны продать отца и мать, родных и близких, веру и честь, если их благосклонно похлопают по

плечу. Ради того, чтобы вызвать улыбку на лице майора¹, любой из них готов оголить свой зад. Такова природа невежды.

Русская наука и культура — ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно бы намного облегчить жизнь нашего народа. Например, мы познали бы разные и в то же время честные способы добывания средств к жизни иставляли бы на этот путь детей; смогли бы защитить аулы от несправедливых царских законов; успешнее боролись бы за равноправное положение нашего народа среди великих народов земли.

Больно оттого, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят при помощи их знаний поживиться за счет своих же соплеменников. Родители вкупе со своими родственниками и близкими портят детей. И все-таки эти дети намного превосходят неграмотных, ибо возможности их чрезвычайно высоки. Заставить же их трудиться надлежащим образом, так, чтобы они принесли пользу, думается, не сложно.

Обеспеченные семьи у нас неохотно отдают детей на учебу, насильно посылаются в русские школы дети бедняков. Вот почему мы не видим сегодня среди образованных ни одной значительной фигуры.

Иногда родичи, ссорясь друг с другом, го-

¹ Подразумевается царский военный чиновник. (Прим. переводчика.)

ворят: «Чем терпеть обиду от тебя, лучше отдать сына в солдаты, а самому отпустить усы и бороду». Из-за обиды они грозятся принять облик и обычай чужого народа. Где уж их детям стать большими людьми, если они даже и будут учиться?»

Я не видывал еще детей, упорно и основательно овладевающих знаниями: у нас все делается поверхностно, урывками, на ходу. Иные казахи, например, с трудом соглашаются отдавать детей в школы даже тогда, когда все расходы за обучение несет община.

Путь, который я предлагаю, исключает любовь к богатству. Не торопись женить и выделить сына в отдельную семью, а обучи его сперва в русской школе. Пожертвуй всем своим имуществом, если это требуется для учебы. Ничего нельзя жалеть ради того, чтобы из сына вышел человек. Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам, и не будет от него блага народу. Вечный страх перед создателем и вечный стыд перед людьми тебе за такого сына.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

Казах рад до безумия, когда в трудной байге приходит первым его скакун, побеждает борец-земляк, удачно бьет птицу сокол, возвращенный

им, красиво берет зверя его гончая. Уверен, что нет для него большей радости в жизни.

Но разве может быть такой уж большой радость, вызванная преимуществом одного животного перед другим или превосходством человека над своим соперником? И потом не сам тот восторженный и не его сын победили в турнире борцов, и не сами они пришли первыми на своих скакунах. Вот и получается, что эта радость скоротечна и гложет внутри своего народа. Это навеивает горькие мысли. Получается, что у казахов нет других соперников и врагов, чем сами казахи, и победой на ничтожных состязаниях они лишь досаждают друг другу. А разве можно возвести в ранг доблести зло, содеянное ближнему? Желать зла другому, значит, противоречить законам шариа, вредить и своему и чужому хозяйству, идти наперекор рас судку.

Горько и оттого, что кое-кто принимает поражение своего скакуна, как свое собственное, и стыдится этой неудачи.

Резвые скаковые лошади есть не только у казахов. И ловчая птица и гончий пес могут быть достоянием любого: сегодня они у одного, завтра у другого; и сильные жигиты рождаются в разных аулах. Да и не постоянны победы того или иного борца в турнирах, и не всегда в хорошей форме соколы и гончие. Чего же, казалось бы, тут стыдиться? А я встречал людей, гото-

вых скорее провалиться сквозь землю, чем видеть на состязаниях поражение родного аула.

Отсюда я и заключаю, что невежественный народ радуется тому, чему не стоит радоваться. И радуется он при этом так, что буквально теряет голову и, словно пьяный, говорит и не понимает смысла своих слов. А стыдится он того, чего совершенно не следует стыдиться, и опускает глаза, когда, наоборот, нужно гордо вскинуть голову. Все это плоды невежества и глупости.

И когда таким людям говоришь об этом их несчастье, они соглашаются с твоими доводами. «Ты прав,— подхватывают они,— прав, чего тут толковать».

Я не верю им, потому что знаю: завтра они снова примутся за свое.

Невозможно доказать этим людям всю лживость их нравов. Даже когда их удастся в этом убедить, они не в состоянии измениться. Они подобны животным, не изменяющим своим привычкам.

Только сильный страх или смерть избавляют слабых от позора. Я, например, не встречал людей, которые вернулись бы к разумной жизни, легко отбросив дурные наклонности, которые искренне признали бы свою вину перед собой и по доброй воле последовали разуму.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

(по Сократу)

Однажды великий мыслитель Сократ завел с ученым Аристодимом, своим учеником, разговор о служении людей всеильному и всемогущему богу. Аристодим не признавал бога и смеялся над теми, кто преклоняется перед волей господней.

— Эй, Аристодим, есть ли люди, вызывающие твоё восхищение своими творениями? — спросил Сократ своего ученика.

— Сколько угодно, высокочтимый учитель, — ответил тот.

— Назови мне хоть одного из них.

— Я восхищаюсь величием поэзии Гомера, трагедиями Софокла, вернее, его искусством перевоплощаться и постигать душевное состояние других, живописью Зевксиса.

Он назвал еще несколько одаренных мужей, чьи имена в то время были широко известны в народе.

И снова спросил его Сократ:

— Если так, то кто достоин большего восхищения: всевышний, который сотворил человека, сделав его венцом всего живого и разумного, или же художник, создающий хоть и с неповторимым мастерством, но все же лишь неживое подобие человека?

— Всевышний, — ответил Аристодим. — Но это верно только тогда, когда мы имеем дело не со случайными его творениями, а теми из них, которые он создал разумно.

— Но люди знают немало полезных вещей, в жизни возникают различные ситуации, в природе происходят объяснимые и необъяснимые явления, — возразил Сократ. — Что же все-таки удивительнее, Аристодим: те вещи, ситуации и явления, смысл и полезность которых не прикрыты завесой неизвестности, или наоборот?

— Я думаю, разумно только то, что создано для пользы человека, — ответил Аристодим.

— Хорошо. Ты согласишься, конечно, с тем, что вершина творения создателя — это человек. Но разве творец не наделил его пятью органами чувств, будучи совершенно уверенным в их необходимости человеку? Неужели ты находишь в человеке случайные, неразумные органы?

Например, нам даны глаза, чтобы видеть. Если бы их не было, как бы могли мы любоваться красотой мира? Глаза нежны, и для того, чтобы сохранить их, существуют веки: они открывают и, когда нужно, закрывают глаза. Ресницы оберегают глаза от ветра и соринки, а брови отводят пот, стекающий со лба.

Если бы не было ушей, человек не слышал бы ни шума, ни грохота, не настораживался бы от шороха или крика, не наслаждался бы песнями или звуками мелодий.

Если бы нос не чувствовал запахов, человек не тянулся бы к благовониям и не бежал бы от зловония. Ему было бы все равно.

Наконец, если бы у человека отсутствовали нёбо и язык, то он не смог бы изведать сладость или горечь пищи.

Разве все это не на пользу дано человеку?

Глаза и нос расположены недалеко от рта, чтобы человек видел чистоту и слышал запах принимаемой еды. Однако другие необходимые организму отверстия, извергающие отбросы из тела, расположены подальше от головы, от благородных органов познания. Разве можно сказать, что все это случайное проявление разума творца?

Задумался Аристодим. И признал он, что создатель мира обладает высшим разумом. Не осталось у Аристодима сомнения и в том, что всевышний сотворил человека с любовью.

— Подумай, Аристодим,— продолжал Сократ.— Все живое любит своих детенышей, не оставляет их на произвол судьбы, а защищает и растит. Все живое плодится — это основное условие жизни, ибо только так можно противостоять смерти. Разве эти устремления живых существ не говорят о том, что бог создавал их любя? Любовь, как видишь, тоже дана всевышним.

Эй, Аристодим! Как можно считать, что ум — достояние только твое, человека? Разве

человеческое тело не подобно песчинке той земли, по которой он ходит? Разве пот, который выделяется из человеческого тела, отличается от капель земной влаги? Так откуда у тебя взялся особый ум? Я знаю, как ты ответишь: «Сперва,— скажешь ты,— появилась душа, а потом пришел и разум». И вот ты обладаешь душой и разумом. Что из этого? Ты увидел мир, убедился, что все в нем создано целесообразно и все соответствует и подчиняется определенным законам. Но ты оказался не в силах охватить своим разумом безграничность этого мира. Ты поражаешься величию и недоступностью его истины только потому, что разум твой невелик. Потому и стараешься ты познать его. Так как же он возник? Что стоит у его истоков? Атом или некий разум, такой же беспредельный, как и его творение? Можно исключить разум. Но и тогда этот мир, не доступный ни измерению, ни расчету, возникал не стихийно, а как закономерное движение жизни, не сам по себе, а для возможности жизни в нем. И все взаимосвязи в мире, должно быть, подчинены немыслимому закону прекрасного.

— Все, что ты говорил,— истина,— заметил ученый.—Повторяю, я согласен с тем, что создатель является носителем высшего разума. У меня и в мыслях нет сейчас ставить под сомнение его величие, но почему он, всемогущий, нуждается в моем служении ему, в моих молитвах?

— Ты ошибаешься, Аристодим. Он не нуждается в твоих молитвах. Но ты должник, поскольку он проявляет о тебе заботу.

— Откуда я могу знать, что он заботится обо мне?

— А ты посмотри на всех животных и посмотри на себя! — воскликнул Сократ. — Жизнь дана всем. Но всему ли живому даны тепло души, одухотворенность и озарение? Человек предполагает будущее, пытается осмыслить настоящие дни своей жизни, задумывается о пережитом. Животное смутно представляет свое прошлое и настоящее, а будущее оно и вовсе не понимает. Посмотри, как сложен человек и что представляют собой животные? Человек опирается на две ноги и растет прямо вверх: в пору ему видеть весь мир, осмысливать его, повелевать животными, подчинять их себе. Животные же не способны сознательно использовать силу других тварей: одни животные надеются на свои быстрые ноги, другие — на крепкие крылья.

Ничего бы путного не вышло, если бы человек не верил в себя или тело его было подобно телу какого-нибудь животного. И точно такая же была бы несуразица, если бы животное имело человеческий ум, ибо тело животного, его физическая организация не соответствуют духовному проявлению разума, не отвечают таким предназначениям, как осмысление искусства, овладение медициной, занятие наукой. Где, на-

пример, волю строить огромный город, готовить инструменты, ковать боевое оружие? Как он добьется этого? Даже если ему будет даден исключительный ум, откуда у вола возьмутся необходимые мастерство и ловкость?

Человек, только он обладает изумительной силой — разумом, изумительно сложным телом, и это сочетание определяет его многогранность и высокоталантливость. Разве человек не является царем всего живого на земле? А если он высшее творение бога, то разве не означает это, что человек был удостоен его любви? Как же человеку, будь он даже самым великим ученым на земле, как же человеческому роду не быть благодарным творцу и не считать себя вечным его должником? — заключил разговор Со-крат.

1895

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

Эй, мусульмане! Почему так устроена жизнь, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни умны, другие глупы, одни предрасположены к добру, другие, наоборот, склонны к злодеяниям?

Когда вас спрашивают об этом, вы смиренно отвечаете, что так^ова, мол, воля всевышнего.

Но ведь мы с вами приняли иман и стали правоверными, веря в справедливость, непогрешимость и безупречность аллаха! Как же так?

Какого-то клятвопреступника аллах наделяет скотом, а честного, усердного в молитвах труженика ввергает в бездну нищеты, ни разу не предоставив ему радости увидеть плоды своего труда и возможности прокормить семью.

Какому-то вору или мошеннику он дает крепкое здоровье, а безвинного тихоню изводит тяжелым недугом.

Из двоих детей одних и тех же родителей одного аллах создает умным, а другого — глупцом.

Он, казалось бы, предложил единственно верный путь, призвав все человечество быть честным и справедливым: честных он обещал взять в рай, нечестных отправить в ад. Но только аллах повелевает человеческой душой и, значит, он сам настраивает одних на добрые дела, а других толкает на грех.

Разве все это говорит о непогрешимости, милосердии и справедливости всевышнего?

И народ и имущество народа — все в руках аллаха. Что же он делает? Он распоряжается своим имуществом, как ему заблагорассудится. Поскольку все от аллаха, то что остается на земле простому смертному? Чего он сможет сам

добиться? Значит, нечего людям обижаться друг на друга, ибо и тот, кто совершает зло, и тот, кто творит добро, будут одинаково ссылаться на волю аллаха. И если это нельзя назвать пороком, то не означает ли оно, что у всевышнего все же есть недостатки, о которых мы не осмеливаемся говорить?

Творец считает необходимым, чтобы каждый разумный был благочестив и чтобы каждый благочестивый безропотно выполнял требования имана. Попробуем дать волю разуму: ведь ни одно правое дело не должно бояться испытания им. Но что тогда останется от требования аллаха, чтобы каждый разумный был и благочестивым? Куда денутся его слова: «Познать меня удастся лишь разумом». Когда в вере существует прозрачность, некий обман, как заставишь себя не думать об этом?

Значит, религия возникла там, где когда-то остановился разум! И, значит, слепое повиновение ни к чему не приведет, пока мы не доведем иман хотя бы до подобия совершенства. Но сейчас до этого немыслимо далеко, и остается верить в то, что ты, аллах, создал плохое и хорошее, но не ты заставляешь людей совершать добро или зло; ты, аллах, создал болезни, но не ты заставляешь людей мучиться ими; ты, аллах, создал роскошь и нищету, но не ты превращаешь людей в богачей или бедняков.

Иначе невозможно тебя понять.

У казахов немало толковых, дельных пословиц, но есть и такие, что не выдерживают не только божьей, но и людской оценки.

Говорят: «Будь беден, но не теряй чести». Справедливо сказано. Ибо, потеряв честь, человек обрекает себя на жалкое существование. Нет ничего унижительного, если тебя призывают к самому тяжкому, мучительному, но честному труду. Не все мужественны, и не каждый откликнется на зов. Достойные вступают на этот путь борьбы, недостойные выбирают безделье и попрошайничество.

Говорят еще: «Умением можно и снег разжечь», «Умелой просьбой все возьмешь». Эти пословицы заслуживают божьей кары. Чем жить в унижительных поисках слов, способных разжалобить скрягу, или ломать голову над тем, как «снег разжечь», не лучше ли просить достатка у земли или надеяться на свой труд?

Бытует пословица: «Если ты безвестен, то подожги поле». Но какой прок от славы, добытой злодеянием?

Есть и такая пословица: «Чем сто дней слоняться выхолощенным верблюдом, лучше один день безумствовать бурой». Но что толку от однодневной безумной страсти, которая сгибает твое тело?

Говорят: «Золото собьет с пути и ангела». Приношу этих людей в жертву ради святого имени ангела. Зная, что золото ангелу ни к чему, они хотят ссылкой на него оправдать свои жульничества, рождаемые завистью.

«Богатство слаще отца и матери, но жизнь дороже дома, полного золота». Разве негодяй, для которого богатство дороже его родителей, способен ценить и свою жизнь? Нет, конечно. Но какая подлость — менять отца с матерью на богатство! Мучительным ли трудом или легко, но родители обзаводятся скотом и наживают добро с одной лишь мыслью: оставить его детям. И, продавая родителей за богатство, предавая их, человек совершает преступление перед самим богом.

Надо быть предельно осторожными в обращении с пословицами, рожденными невежеством людей.

ТРИДЦАТОЕ СЛОВО

Казахи говорят: «На сорока клячах не одолеешь даже одного холма». Так и на бахвальстве далеко не уедешь. Да и к чему бахвальство людям, на что оно пригодно?

У хвастунов нет совести и чувства собственного достоинства, способности к большим делам и высоких помыслов. Не найдешь у них ни ре-

шимости палуана, ни мужества батыра, ни человечности.

«Ах, оставьте! — отмахиваются они от советов. — Зачем вы говорите мне о других? Еще увидим, кто кого лучше и чья голова будет приторочена к седлу. Может быть, я кому-то обязан своим успехом? Может, кто-нибудь кладет в мой котел мясо или дает мне дойный скот?»

Или, в исступлении бия себя в грудь, расклинаются из стороны в сторону: «Что мне, жаль своей жизни? Да будь я проклят, если так! Ради этого дела я готов идти на расстрел или быть сосланным. Смерть ведь одна! Ее не избежишь!».

Но я не видел казаха, идущего после таких слов на смерть, как не видел казаха, который признался бы, что он не способен достойно погибнуть: все только тычут пальцами в свой маленький кадык и грозятся: «Зарежусь — и баста!» Если бы один выполнил эту угрозу, то люди удивились бы решимости глупца. Но что можно сказать о людях, которые не знают, где спрятаться, когда приходит беда? О тех, кто надеется убедить окружающих напускным надрынным криком? Кто рассчитывает на наивных и умеет добиваться таких слов о себе: «Оставьте этого кафыра в покое. Как бы он и вправду не наделал делов».

О аллах! Разве по человеку не видны его душевная щедрость, если таковою он обладает, его

верность клятве, торопатель и другие добрые качества?

Нечего слушать людей бессовестных и неразборчивых в средствах, о которых в народе говорят: «У бесстыжего — скулы не устают».

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ СЛОВО

Для того, чтобы запомнить советы и следовать им, нужно соблюдать четыре условия. Первое: надо быть сильным настолько, чтобы подавить в себе самолюбие, когда тебе дают совет. Второе: надо принимать умные слова сердцем, всей душой, так, словно бы утоляешь ими жажду. Третье: следует по нескольку раз повторить про себя услышанное, чтобы закрепить его в памяти. Четвертое: надо держаться подальше от вещей, которые изнашивают человеческий разум и заставляют его терять свои знания.

Таких вещей, кстати, тоже четыре. Это беспечность, зубоскальство, меланхолия и пагубное пристрастие к вину, женщинам, деньгам, азартным играм.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ СЛОВО

Известно, что наукой овладевает тот, кто испытывает жажду познания. Но одного стремления тут мало. Даже сам процесс приобретения

знаний должен быть подчинен определенной системе. В противном случае поиски и весь огромный труд человека, затраченный на овладение наукой, могут оказаться напрасными.

Сначала ты должен точно уяснить, для чего тебе необходима наука. Не для обогащения или приобретения дорогих вещей, не ради дела, которое принесет тебе выгоду или положение в обществе, стремись к науке. Если ты страстно увлечен ею, то богатством для тебя явится каждое твое открытие, устранение самого незначительного пробела в твоих знаниях. Что может быть ценнее такого приобретения? И бывает ли на свете наслаждение выше того, которое ты испытал при этом? У тебя родилась любовь к науке, а она, как и всякая любовь, ненасытна,— значит, ты идешь на новый труд и поиски. Эта любовь, иными словами — жажда познания, помогает тебе запомнить увиденное и услышанное, усвоить их и закрепить в своей памяти в ясных, образных художественных формах.

Если твоя душа лежит к другим вещам и ты изучаешь науку ради их достижения, то твое отношение к науке подобно отношению мачехи к пасынку. Науку надо любить, как мать любит родного сына. Тогда и наука ответит тебе взаимностью, будет доступнее.

Просвещение не должно быть самоцелью. Это приводит людей к соперничеству друг с другом, рождает ненужное, глупое бахвальство. Лю-

бая из этих вещей приносит вред науке и обществу. Даже если споры содержательны и оттачивают ум, все равно излишняя приверженность к ним губит человека, ибо он начинает спорить не ради выяснения истины, а для того, чтобы победить соперника. Наука уже остается в стороне, главным же для такого «ученого мужа» становится стремление запутать другого и сделать его жертвой ложных истин. Как это похоже на дела степных смутьянов, о которых уже говорилось раньше! Человека, сбившего в споре с верного пути сотню людей, грешно даже сравнивать с тем, кто вывел на путь истины одного.

Спор в науке необходим, но в быту он рождает завистников и спесивцев, способных на ложь, наговоры и рукоприкладство.

Достигнув истины, не отступай от нее даже под угрозой смерти. Та истина настоящая, которая захватила тебя всего, покорила, заставила действительно стоять за нее насмерть. В противном случае ты не убедишь в ней других. Какой прок от твоей истины, если ты сам не предан ей? Люди не примут ее.

Не будь завистлив, легкомыслен и мстителен, иначе твоя учеба не принесет пользы.

В девятнадцатом слове назидания сказано о равнодушии и беспечности и о том, как эти пороки мешают людям стать разумными. Запомни: там, где они властвуют, нет ни бога, ни на-

рода, ни хозяйства, ни чести — всего того. ради чего существует наука.

И последнее, что я хотел сказать. Для того, чтобы сохранить свои познания и разум, нужно иметь характер. Сильный, крепкий характер. Тут уместно сравнить его с сосудом, хранящим бесценную влагу. Действительно, зачем овладевать знаниями, если их негде хранить? Значит, нужно быть стойким, нужно всегда сохранять твердость духа.

Крепкий характер немислим без воли, помогающей человеку добиваться того, к чему он стремится, и не позволяющей ему даже минутной слабости. Итак, твердость духа и воля — основа настоящего характера. Пусть же они служат разуму и чести человеческой.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ СЛОВО

Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает то, что сделал своими руками, можно считать лучшим из казахов. Но и среди цих, немногочисленных казахов-ремесленников, подобно неизлечимой болезни, бытуют пороки.

Во-первых, эти люди не стремятся овладеть новым ремеслом. Они не ищут мастеров лучше себя, не сближаются, не работают с ними рука об руку, чтобы перенять их искусство, довольствуются тем, что умеют сами, как будто весь мир держится только на таких мастерах. И по стародавней вредной привычке казахов предаются пустому созерцанию, пролеживают себе бока, преступно убивая на это драгоценное время.

Во-вторых, они не умеют работать не покладая рук. Заработав несколько голов скота, начинают мнить себя богачами и хвастливо думают: «Разве у меня не вдоволь скота?» А ведь достаточно появиться такой мысли, чтобы человек предался праздной лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, эти люди не остерегаются льстецов. А те не преминут обратиться к ремесленнику с лукавой просьбой: «Ты ведь волен в своих поступках, свет мой, и ты — мастер, искуснее которого нет во всей округе!» Или же: «Ага¹, что вам стоит выполнить мою просьбу? Вам раз плюнуть, а мне — радость!» Не каждый устоит, услышав такие елейные слова. И если ремесленник поддастся соблазну и возомнил о себе как о незаменимом мастере, то отныне он не властен над собой. Он будет тратить все свое время на

¹ Вежливое обращение к старшему. Буквально: дядя.

выполнение бытовых, не требующих особого умения, заказов льстецов.

В-четвертых, казах-ремесленник любит заводить приятелей. И чаще всего он оказывается в компании нечестных людей. Обманщики набираются ему в друзья, дарят какую-нибудь мелочь, обещают золотые горы или свое покровительство, а ремесленник рад до смерти, что нашел бескорыстного друга, и тоже старается услужить ему. Из кожи лезет вон, только бы сделать другу приятное, и не замечает, что его водят за нос. Так проходят дни, забываются и семья и хлеб насущный, растут долги, и наступает время, когда он вынужден занимать у одних, чтобы расплатиться с другими. Теперь бедняга уже обязан трудиться, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Но нескончаемые заказы «друзей», которые он выполняет даром, доводят его до беды: до нищеты и полной зависимости от толстосумов.

Почему так происходит? Кто знает.

Странно, что казахи, способные провести кого угодно, так легко обманываются сами.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Все люди знают, что они смертны, что смерть наступает не всегда в старости и что после никто не воскресает. Казахи тоже верят этому. Веруют они и в то, что есть всевышний, сотворивший мир, и он устроит суд, когда наступит конец света, покарает за грехи и воздаст за добрые дела, что и наказания и воздаяния его не будут похожи на земные. По их представлениям аллах может наказать человека невысказанно жестоко и вознести невысказанно высоко.

Так почему же, зная эти два очевидных для них исхода человеческой жизни, казахам не творить только добро? Отчего беспокойно, неуютно им на земле?

Причина кроется в их неискренней вере, которая, должно быть, возникла и существует у них только потому, что они, как и все народы, признают загробную жизнь.

Но если вера казахов вызывает сомнение, то как их самих называть правоверными? И кто их сможет после этого наставить на путь истины?

Тот, кто хочет избежать мучений на том и на этом свете, должен знать: в одной душе не бывает двух радостей, двух опасений, двух печалей. Это невозможное явление, ибо для на-

стоящего мусульманина земные заботы и радости не могут быть значимей и ярче небесных, тех, которые ожидают его после смерти.

Но казах, когда он поставлен перед выбором между двумя вещами, одна из которых позарез нужна для земной жизни, другая — обязательна для загробной, — возьмет, без сомнения, необходимую для своего земного существования. Он выбирает, зная, что все в этой жизни быстротечно и никогда нельзя упускать случая. Уповает на милосердие аллаха, на всепрощение его. Полагается на удачу, на следующий случай, — тогда-то он уж непременно возьмет то, что требуется на том свете.

Как же он после этого докажет, что не променял аллаха на земную жизнь? А именно таким мусульманином представляю я каждого из нас.

Человек — дитя человечества. Потому твоё рождение и возмужание, твоё устремление к достатку или ощущение голода, твои печали, уклад жизни, телосложение, наконец, твоё смерть, — не отличаются от природы и судьбы любого другого человека. Ты, как и все люди, сходишь в могилу и гниешь; знаешь, что тебя тоже ждет страшный суд; твой страх перед бедами и наслаждение дарами обоих миров одинаков с ощущениями тебе подобных. И разве жизнь кажется тебе длиннее пяти дней? А раз это так, и люди гости друг друга, если ты сам — гость земной,

то почему ты стремишься выявить, что знает другой и чего он не знает?

Зачем тебе завидовать чужому достатку и счастью, мешать другому жить?

Почему не просишь аллаха, чтобы он благословил тебя на честный труд, а умоляешь его отнять и передать тебе чужое богатство?

Почему создатель должен ради тебя унижать другого человека?

К чему рваться доказывать свою правоту, если не уверен, что она не обернется кривдой?

Почему ты должен выпячивать свою грудь, не умея, скажем, связать и двух слов?

Чем тебе поможет аллах?

Оставим в стороне веру, не будем говорить о том, какой ты мусульманин. Ч е л о в е к л и ты вообще?

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ СЛОВО

Говорят, когда наступит конец света, на страшном суде перед всевышним предстанут все хаджи — паломники, побывавшие в Мекке, муллы, суфии, шейты — воины-праведники и щедрые. В священном писании сказано, что щедрые, как и священнослужители, тоже попадут в рай.

Но в день страшного суда людей, которые стали хаджи, муллами, суфиями и шейтами или

были щедрыми только ради того, чтобы пользоваться у народа почетом и уважением, говорят, построят отдельно от тех, кто получил эти звания бескорыстным служением аллаху, посвятив всю свою жизнь лишь одному — благочестию.

И скажет создатель первым: «Вы стали на земле хаджи, муллами, суфиями, шейтами и щедрыми, чтобы остальной люд преклонялся перед вами, называя вас «уважаемый хаджи», «почтенный мулла», «высокочтимый суфий», «незабвенный шейт», «несравненно щедрый». Это требовало от вас немалого искусства. Но всего этого вы лишились. Мир, который вы создали общими усилиями, рухнул, а вместе с ним кончилась и сила вашей власти. Здесь иной мир. Не ждите привычного почета, держите ответ. Я дал вам жизнь. На что вы потратили ее? Я дал вам богатство:—На что вы употребили его? Вы без устали говорили о божьем суде, но всегда лицемерили, вы проповедовали веру в бога, но всегда без усердия. Вы обманывали людей. Вот на что истрачены жизнь и богатство!»

И обратится создатель к тем, которые посвятили ему свою жизнь: «Вы пожертвовали всем ради того, чтобы стать моими истинными слугами и снискать мою признательность. Я вами доволен. Входите в обитель, она открыта для вас. Достойны милосердия и ваши друзья, которые, хоть и не смогли стать моими слугами, но отно-

сились к вам с сочувствием и участием. Укажите их мне, если таковые присутствуют на этом суде».

Вот, говорят, что ждет людей в страшный судный день.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ СЛОВО

В хадисе —священной книге— записаны следующие слова пророка Мухаммеда: «У кого нет стыда, у того нет и веры».

Казахская пословица гласит: «Тот, кто умеет стыдиться, тот умеет быть верным».

Из этих слов ясно, что стыд — одно из священных чувств. Так что же представляет собою стыд?

Есть стыд, обусловленный невежеством людей. Он похож на смущение мальчика, который не осмеливается вымолвить слова перед взрослым, или на робость иного взрослого, не решающегося на встречу с именитым человеком просто так, без конкретного к нему дела. Нет у подобных людей вины ни перед богом, ни перед своей совестью, но не могут они освободить волю от невежества, сами усложняют все, стыдятся того, чего совсем не следует стыдиться.

Настоящий стыд тот, который вызван поступками, противоречащими вере или разуму

или порочащими чье-либо доброе имя. Он бывает двух видов.

Первый — это стыд не за свою провинность, не за себя, а за дела другого. Он вызывается как бы жалостью к этому человеку. Чувство удивления и досады за его проступок, тревога за его судьбу заставляют тебя мучиться. «Почему он так поступил? — переживаешь за него.— Почему? И что с ним будет?..» Сострадание движет твоими мыслями.

Второй — это стыд за свой проступок, который ты совершил по недоразумению или чрезмерно увлекшись чем-нибудь. И пусть рядом в то время никого не было, но ты понял, что твой проступок унижил твое достоинство или опорочил чью-нибудь добрую репутацию,— и тебя мучает совесть. Ты осуждаешь сам себя, казнишься, теряешь покой, не смеешь взглянуть людям в глаза.

Люди мнительные в таких случаях теряют сон, перестают есть. Стыд как бы выворачивает человека наизнанку, определяет меру его человечности или подлости. Где тут оглянуться, найти для успокоения верные слова? Бывает, что некогда утереть слезы и высморкаться. Человек уподобляется затравленному псу. Ничего не видит и не слышит. Иногда доходит даже до того, что лишает себя жизни. Разве что недоброхот или сильно обиженный им человек не простит такого бедолагу! Тот, кто не пожалел его, доба-

вил мучений, решив еще более пристыдить, наверное, сам лишен совести.

Но люди, которых я вижу сегодня, не то что стыдиться, даже краснеть не умеют, когда совершают бесчестные дела. Когда их усовершенствуют, они даже обижаются. «Я же сказал, что сконфузился, чего же еще надо?» — недоумевают некоторые из них. Или огрызаются: «Ладно, ладно. Хорошо, мне стыдно. Ну, а сам ты не так бы обмишурился на моем месте?» Есть и такие, которых ничто не выведет из себя. Довод их таков, что хоть стой, хоть падай. «Да ведь никто еще не помер от таких оплошностей! — восклицают они. — Такие-то вон что сделали, и то ничего — живут. Разве можно сравнить совершенное мной с их преступлением? Да и причина у меня была...»

Что можно сказать об этих людях? Есть стыд в их словах или нет? Если подобное называется стыдом, то как быть со священными писаниями и словами мудрых? В них правда или в словах этих людей? И верят ли они в аллаха после этого?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СЛОВО

√ 1. Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее.

2. Самые прекрасные мысли тускнеют, пройдя через человеческие уста.

3. Не всегда будешь рад, говоря мудрые слова себялюбивому невежде.

4. Помогай разумному. Содействовать неблагоприятному — значит опуститься самому.

5. Сын, почитающий лишь своего отца, — не друг народу; сын народа — и твой друг.

6. Сильный хоть и желает многого, но довольствуется малым; ничтожный просит мало, но не доволен, даже когда получает больше.

7. Работающий только для себя, похож на животное, которое заботится о своем брюхе. Вседержец любит того, кто трудится на благо человечества.

8. Кто отравил Сократа, сжег Жанну д'Арк, распял Христа, закопал Мухаммеда в верблюжьих останках? Толпа. Значит, у толпы нет ума. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек — дитя своего времени. Если он плох, в этом виновны его современники.

10. Будь моя власть, я бы отрезал язык тому, кто утверждает, что человек неисправим.

11. Одиночество — погибель для человека. Все беды валятся на его голову. Однако мир заполняют не только беды, но и развлечения. Кто выдерживает первое? И кто не погибает во втором?

12. Кто не бывал в беде! Удел слабых — терять надежду. Разве за суровой и снежной зи-

мой не идет лето со сверкающими озерами и густым травостоем?

✓ 13. Безвреден — кто в гневе кричит. Бойся того, кто в гневе молчит.

14. От радости и счастья люди теряют голову. Из тысячи лишь одному счастливцу удастся сохранить разум, чтобы не предстать перед народом нагишом.

15. Дело ладится умением.

16. Слава — высокая скала. Терпеливая змея взбирается на нее ползком, сокол взмывает на ее вершину в стремительном полете. Недружный народ хвалит того, кто не дошел до нее. И недалекий верит этому обману.

✓ 17. Мир — безбрежный океан. Время — не утихающий ветер. Поколения подобны волнам, спешащим друг за другом, и на их смене держится вечная жизнь.

18. Нищий, прославившийся умом, выше счастливого царя. Юноша, продающий плоды своего труда, достойней старика, торгующего своею бородой.

✓ 19. Хитрость превращает человека в попрошайку. Лицемерие делает суфия тунеядцем.

20. Плохой друг подобен тени. Когда светит солнце — от него не избавишься; когда тучи сгущаются над головой — его не найдешь.

✓ 21. Доверяйся тому, кто замкнут, но дружи с тем, кто общителен. Остерегайся беспечного, но будь опорой опечаленному.

22. Гнев без силы — вдовец; ученый без последователей — вдовец; любовь без верности — вдова.

23. Пока ты несчастлив, добра тебе желают все. Но вознеси тебя судьба — и твой доброжелатель лишь ты сам.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ СЛОВО

О дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнетесь ко мне любовью.

Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием; сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке. Появлению этих качеств прежде всего способствуют непорочность чувств и крепость тела, которые даются человеку от рождения, а развитие их зависит только от честных друзей, от мудрых наставников.

Но дети не сами идут в школу, не своей охотой овладевают знаниями: на первых порах их приходится либо принуждать, либо привлекать к этому хитростью. И если, постепенно привыкнув к учебе, дети тянутся к ней уже по доброй воле, если у них появилась жажда познания,—

лишь в этом случае можно сказать, что они стали людьми. Теперь стоит уже надеяться, что они овладеют наукой и используют ее для блага людей; научатся отличать добро от зла, сомнительное от достоверного, подлинное от поддельного; познают аллаха, самих себя и мир.

Однако в большинстве случаев дети остаются недоучками, а то и вовсе невеждами. Причиной всему — насилие со стороны родителей и мулл, которое убивает в детях искренность. Эта потеря оборачивается тяжелейшим несчастьем. Не бывает толку от учебы этих детей, ибо у них уже все неискренне: и стремление к наукам, и отношение к наставникам, и даже вера в святое учение — иман. Воспитать их полноценными людьми почти невозможно, потому что аллах — это «путь истины», а истина и правда несовместимы с насилием. Разве придет к тебе друг, которому ты передал приглашение через его врага? Когда в душе человека нет любви к аллаху, то нет и веры в него.

Тем не менее, человечество живет, уповая на будущее, оно надеется на лучших сынов, а не на злодеев, на ученых, а не на невежд.

Каковы же пути познания истины и правды?

Человек овладевает науками и знаниями тогда, когда всем своим существом стремится к истине и правде, пытается понять самую суть явлений. Разум и вера двигают им, ибо истина от

земли, и он идет к ней разумом, а правда от аллаха, и он принимает ее на веру.

Издrevле существует понятие «наука». Наука представляется людям не как что-то сверхъестественное и отвлеченное, а существующее для блага человечества. Не ради аллаха, а для себя. Поэтому наука¹ оборачивается для каждого человека неповторимостью каждой отдельной науки и увлекает его. Где-то здесь рождается чистота отношения человека к науке, которая в то же время выражает отношение его и к аллаху, ибо наука — это одно из проявлений могущества всевышнего, одно из его свойств.

Человек, идущий в науку ради богатства, славы и почета, никогда не поймет ее сущности. Больше того, когда человек преследует корыстные цели, он теряет человеческий облик. И наоборот, человек становится сильнее, когда и богатство, и слава, и признание приходят к нему сами, как результат упорного труда.

Повторяю, мои слова обращены к тем, кто дорожит честью, кто любит истину и хочет знать правду.

Приверженцы ислама должны признать непреложную истину своей веры. Это высшая сту-

¹ Абай имеет в виду совокупность наук на стадии их синкретизма — представление, характерное для общественной мысли Востока до конца XIX века. (Прим. переводчика.)

пень веры, и она не достигается простым воздаянием молитвы аллаху. Ты, как и все мусульмане, можешь верить, что аллах един, и нет ему равного, что коран состоит из его священных назиданий, а пророк Мухаммед — его посланник на земле, но все это ничего не даст тебе, ибо истоки чистой истины лежат в другом. Чтобы понять, в чем именно, следует уяснить, ради чего существует твоя вера? Ты веришь ради аллаха или для собственного успокоения? Аллах не пострадает, не станет менее величественным, если ты, скажем, перестанешь молиться, но и тебе не будет успокоения, если ты считаешь вседержца просто потому, что он велик. В своей вере ты должен видеть для себя спасение, только тогда она принесет тебе пользу.

Итак, ты веришь в аллаха и преклоняешься перед ним. Но он многолик, и ты, следовательно, преклоняешься перед всеми его именами и каждым проявлением его своеобразия. Имена аллаха суть названия его чудотворных дел, надо знать об этом. Потом нужно постичь, что означают восемь его божественных качеств. И если ты назвался правоверным и считаешь себя рабом всевышнего, если ты уверен в своей преданности ему, то своими намерениями, замыслами и делами старайся быть похожим на него. Не падай духом, считая по невежеству своему, что

это невозможно, ибо точное воспроизведение его дел действительно невысказуемо. Разве можно человеку быть Всеведущим, Всемогущим, Жизнью, Зоркостью, Чуткостью, Волей, Речью и Созидателем! А все это — проявления аллаха, его имена. Видимо, достаточно хотя бы подражать ему.

Создатель наделил человека восемью качествами, подобными своим, хотя и менее сильными. И если бы мы использовали этот великий дар не в угоду аллаху, мы не могли бы называться мусульманами. Но где пути истинного подражания аллаху и его великим делам?

Природа аллаха такова, что она не нуждается в моем описании, пишу же я потому, что в уяснении указанных восьми качеств, или сил, нуждается наш разум. Мы познаем аллаха по мере его проявления, познать его самим невозможно. Даже тайна созидания недоступна мудрейшим из людей, не говоря уж о природе аллаха. Аллах бесконечен, человеческий разум предельно ограничен. Разве возможно предельным измерить бесконечное?

Мы говорим: аллах един, и он во всем. Нам кажется, что в этих словах кроется большая тайна, мы слышим в них какую-то неземную значимость, хотя совершенно ясно, что, например, слово «един» никак не выражает великую сущность всевышнего. Наверное, когда-то это слово оказалось пределом возможностей нашего разу-

ма, его потолком. Кстати, ученые и сейчас форму существования любого тела в совокупно возможных его видах фиксируют словом «един».

Бытие существует во вселенной, вселенная существует в аллахе, а аллах, как написал Мухаммед в священной книге — хадисе, проявляется в восьми своих основных качествах и девяности девяти эпитетах. В хадисе пророк Мухаммед не разъясняет своеобразие отдельных назиданий аллаха, и сейчас они читаются людьми по-разному. Я хочу пояснить в своем слове некоторые свойства всевышнего и связь их с жизнью людей или, вернее будет сказать, границы между аллахом и людьми.

Поскольку сама жизнь—это аксиома, то, значит, существует и сила, которая ведет человека к определенной, им самим избираемой цели. Человек спешит что-то совершить в своей жизни, старается чего-то достигнуть, одержать победу в каждом своем стремлении. Да разве найдется человек, который желал бы себе поражения или смерти? Нет. Следовательно, человека по жизни ведет воля. Та воля, которая является маленьким подобием Воли — одного из проявлений аллаха. Та воля, которая является качеством только сознательного человека, поскольку мы говорим о людях, почитающих аллаха. И если Воля, точно так же, как Наука, есть одно из проявлений аллаха, иными словами, если и Воля и Наука являются свойствами одного и того же вели-

кого создателя, и если все восемь божественных качеств дарованы людям, то нельзя ли говорить о человеке, в котором одновременно могут проявляться два любых его качества, абсолютно преобладая над остальными? Нельзя ли утверждать, исходя из принятого нами условия, что в любом человеке могут соединиться воля и наука? И если да, то не будет ли это означать могущество человека, вернее, могущество его знаний? Нам известно, что есть ученые и есть мыслители. Не каждый ученый может подняться до уровня мыслителя, но каждый мыслитель — ученый. Значит, можно говорить о мыслителе, обладающем глубокими познаниями в области многих наук. И, значит, можно утверждать, что аллах всезнающ, если его мудрость, как мы отмечали, недоступна даже мудрейшим из людей. И я позволю себе заметить, что смертные в состоянии овладеть могуществом знаний, но силой всезнания обладает только аллах. Вот в чем его величие, и оно, пусть недостаточно полно, но все-таки верно выражено нашими предками — аллах един и он во всем. Эти слова ясны и ученому и невежде.

Наука идет к людям через слово, слово становится понятным через звуки или знаки. На этом основаны следующие три свойства аллаха: Речь, Зоркость и Чуткость.

Можно ли поверить, что всевышнему так уж необходимо проявлять себя Речью, Зоркостью и Чуткостью? Думаю, что нет. И если человеку даны язык, чтобы он имел возможность общаться с окружающими, глаза, чтобы он видел мир, уши, чтобы слышал звуки, то это тоже не означает тождества их с Речью, Зоркостью и Чуткостью. Я не говорю о масштабах. Я просто констатирую: аллах — это внимающий, который слушает, и взирающий, который видит, но ни одно из созданий его, в том числе и человек, не может этого постичь. Он говорит словами, но у него нет органа, подобного органам речи человека. Он не сотворил слово — произнес его, и слово это дошло до слуха людей. Аллах видит и слышит совершенно по-другому, совсем не так, как человек. Он просто «Всесведущ знаниями своими». Он сама добродетель, и добивается, чтобы люди подражали ему. Как не вспомнить тут о предельности человеческого разума и бесконечности аллаха? Нетрудно догадаться, что упомянутые три божественных качества даны смертным для накопления разума, ибо разумом держится самое главное на земле — созидание.

В чем же заключается второе главное свойство аллаха — Всемогущество?

В коране написано: «Аллах вечен... Он единственный в своем роде, и нет при нем ничего, он

«существует в ле пространства, и он создал все посредством своей силы...»

Священный хадис определяет созидание как одно из восьми основных проявлений аллаха. Согласиться с этим утверждением значило бы, что мы считаем созидание таким же древним, как и сам аллах, и вечным, ибо аллах никогда не избудет. Но если всевышний не в силах освободиться от него, то оно будет означать уже его безволие, а природа аллаха несовместима с подобным явлением.

О созидателе нужно судить по сотворенному им миру.

Он сотворил мир удивительно упорядоченным, где любое живое или неживое тело связано с другими, где одно движение вызывает ответное. Мы видим этот мир и любимся им, принимая его всей душой, и в его существовании и устроенности признаем мудрость всезнающего и силу всемогущего аллаха. Эти два свойства аллаха — всемогущество и всезнание, следовательно, тоже должны быть равноценны. Не может быть такого, чтобы одно из них оказалось ведущим, а другое ведомым, иначе все восемь свойств аллаха, соединяясь между собой в любом количестве и сочетании, приведут мир к хаосу. Созидание, безусловно, является одной из сил, составляющих могущество аллаха. По всей вероятности, величие аллаха потому и безгранично, что знания его безошибочны, а сила —

неуязвима. А это вытекает из нашего предположения, что созидание руководимо могуществом и подчинено ему.

Этим исчерпывается мое доказательство того, что аллах всеведущ знаниями своими и всемогущ своею силой, а остальные его шесть свойств являются как бы вспомогательными для двух названных проявлений.

Но не это главное, что заставило меня писать об аллахе. Я начал это слово выражением: «О дети, утешение моего сердца!..» Я хочу писать о мире людей.

Когда видишь человека в этом сотворенном богом мире, где он полагается на ум и волю, на силу своего тела, когда видишь его борьбу за жизнь, его неуспокоенность, то почему-то думаешь о всевышнем как о существе, подобном человеку. О всевышнем, который, наделив людей восемью божественными качествами, спокойно взирает на то, как в этом его царстве люди по-разному ищут истину и воспринимают земные блага, не с одинаковым рвением творят молитвы и ищут пути спасения. Почему выделяются люди, которым как будто известно все, что уготовано им и на том и на этом свете? Почему их становится все больше, и мы видим уже целые толпы?

Наверное, грешно так говорить, зная, что человек обладает лишь волей, а создатель недоступен его разуму. Зная, что человек посредством своей воли овладевает частицей науки, и она подобна капле из океана знаний, являющегося божьим достоянием. Зная, что аллах не только всемогущ и всеведущ, но и милосерден. И хотя милосердие создателя не упоминается среди его восьми основных свойств, но оно достаточно ясно выражено такими эпитетами, применяемыми к нему, как Всемилоостивый, Отзвнчнвыи, Всепрощающнй, Любящнй, Защищающнй, Покровнтельствущнй, Благодетельствущнй, Дарущнй, Указущнй, Непогрешнмый.

Можно бы сказать, что самый смысл эпитетов говорит в пользу моего довода. Но это было бы традиционнм доказательством, а милосердие аллаха, как мне кажется, требует логическогo обоснования.

Мнр уднвнтелен. Нежнвное тело не чувствует боли, а жнвотные поддерживают жнзнь уже разумных существ — людей. Жнвотные не будут держать ответа на страшном суде, а человек должен отвечать за свои поступки.

Творец поставнл человека на две ноги, чтобы он был высок, установнл голову на плечах, чтобы он мог видеть далеко, дал две руки для труда. Человек не наклоняется, как жнвотное, к пище, а подносит ее ко рту рукой. Ему даны нос, чтобы чувствовать запах еды, и глаза, чтобы ви-

деть ее чистоту. Глаза от соринки оберегаются веками, веки продолжены ресницами, но и они бессильны против пота, стекающего со лба, и потому человек имеет брови. Лицо человека красиво. Аллах призвал людей к общему труду, и поэтому одному дал ум, другому красноречие, третьему — волю.

Разве не чувствуется во всем этом любовь создателя к человеку? И разве не долг человека отвечать на эту любовь взаимностью?

Приглядитесь и вдумайтесь.

Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножается рыба. Солнце греет землю...

И весь этот мир предназначен для людей. Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные — мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы — рыбу, а рыба — икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед

и воск, а черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому аллаху, ибо он властелин мира и ни в чем не нуждается.

Миллионы хитроумных машин и тысячи фабрик тоже созданы для блага человечества.

Разве не видна во всем этом любовь аллаха к людям? И разве не долг человека отвечать на такую любовь взаимностью?

Всевышний не допустил того, чтобы люди из-за ненасытности своей уничтожили всех животных и тем самым принесли вред будущим поколениям. Он сделал так, что люди оберегают животных своей жадностью, а зверям и птицам для спасения дал силу, быстрые ноги и стремительные крылья. И теперь одни животные селятся на неприступных скалах, другие живут в темной глубине вод, третьи хоронятся в густой чащобе леса. И все они стремятся к размножению и наделены неистребимым инстинктом защиты своих детенышей. Нет, всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями всевышнего.

Итак, всемогущий аллах всеведущ, справедлив и милосерден.

И мы, как правоверные, во всем следуя аллаху, должны бы обладать и тремя аналогичными силами: знаниями, честностью и состраданием. То есть мы обязаны были поставить себе целью овладеть науками, постоянно думать о своем человеческом достоинстве и, творя добро людям, стремиться стать истинными мусульманами.

Но всегда ли наши поступки справедливы и ясны? Нет. Мы предали забвению эти божественные качества нашей веры. Каждый почему-то хочет, чтобы другие были справедливы к нему и делали ему добро, но сам он не делает этого. Это ли не глумление над верой?

Люди сбились с пути, указанного всевышним. Священные слова пророка: «Подумай о величии аллаха» и «Воистину аллах любит справедливых людей» — никем не принимаются с должной искренностью и надлежащим знанием.

Благочестия полны аяты — стихи корана, но люди забывают об этом. Вот что говорит коран: «Совершайте добрые дела и призывайте к этому других, ибо аллах любит людей, склонных к благодеянию». И дальше: «Есть люди, которые верят в аллаха и совершают добрые дела. Им навечно уготовано место в раю».

Разве не верны требования корана? Поскольку аллах с любовью сотворил тебя и окружающий мир, то и твоя любовь к аллаху долж-

на быть деятельной. Ты обязан быть честным.

Следующий аят гласит: «Но есть такие люди, которые, веря в аллаха, совершают добрые дела лишь потому, что знают: аллах не прощает злодеев».

Понятно, что поступки подобных мусульман противоречат сущности благодеяния, хотя и будут называться добрыми. У этих людей отсутствует совесть. Великий пророк Мухаммед, да воздаст ему аллах мудрости сполна, писал: «У кого нет совести, у того нет и веры». И здесь мы еще раз убеждаемся, что настоящая вера достигается не простым воздаянием молитвы. Изнурять тело молитвами и постами, может быть, и необходимо, но истоками истинной веры, безусловно, являются сознательность, честность и сострадание.

Маленький пример. Если человек, не отделяющий себя от народа, желает дружбы своего народа с другими, то уже это одно говорит о нем, как о сознательном и честном человеке. Разве его мысль не начало благодеяния? И разве этот человек не чист перед аллахом тем, что желает людям добра? А чистое намерение — основа веры, и ею надо дорожить. Как говорил суфий Аллаяр, бывает одна особенная истина, которую ставишь выше ста других. Так и вера должна быть для людей превыше всего.

Мы пришли к выводу, что истинно верую-

щий должен обладать тремя качествами: знаниями, честностью и состраданием. Вера зовет его к слиянию с аллахом, и он стремится к всеведущности, справедливости и милосердию. К чему же в конце концов ведут эти три силы? В чем совершенство человеческого развития? В каких формах предстанет совершенство? Это субстанция неизмеримого и высшего, это — истина, разум и благо.

Достижимы ли они? Да. Все три силы, ведущие к ним, заложены аллахом в каждом человеке. В разной степени, разумеется. Но развитие этих сил, или свойств, зависит уже от самого человека. Совершенство каждого из свойств и гармоничное сочетание их достигается усердием и преданностью. Преданностью науке, вере, жизни.

Обладателями трех божественных сил прежде всего были и есть пророки, потом аулие — святые праведники, потом ученые богословы, а за ними уже истинные мусульмане.

Праведники первыми после пророков прониклись любовью к всевышнему и привили это чувство людям.

Но и пророки и праведники отреклись от земных благ и думали лишь о загробной жизни. У них и мысли не было об имуществе или хлебе насущном. Только такой путь, считали они, ведет людей к духовному совершенству.

Ученые же, наоборот, во все времена заботи-

лись о земных благах, ибо без религии, науки и ремесла, полагали они невозможно достичь гармонии в жизни.

Можно сказать, что и пророки и ученые стремились, в сущности, к одному, хотя и разными путями. Мне кажется, что обе эти группы, следуя своим идеалам, в известной степени принесли себя в жертву.

Во-первых, если бы человечество стало на путь веры и отреклось от земных благ, то мир пришел бы в немыслимое запустение. Кто бы тогда пас скот, шил одежду и сеял хлеб? Кто бы боролся с иноверцами? Кто бы искал и осваивал богатства недр?

Не говоря даже о прегрешениях и проступках, не угодных аллаху, уже один отказ от земных даров был бы неразумен и неблагозиден, ибо всевышний сотворил их именно для счастья людей. Подобный шаг, наверное, был бы даже преступным перед жизнью.

Во-вторых, последователи пророков рисковали бы и вовсе сгинуть с лица земли. Под гнетом иноверцев (а они наверняка были бы завоеваны) самые нетерпеливые нашли бы скорую смерть, а терпеливые превратились бы в покорных рабов. Где же тут духовное совершенство?

Может быть, этот путь не для всех мусульман? Но о какой правде может идти тогда речь? Если правда существует не для всех, а для ка-

кой-то части народа, то это не божья правда. Народ, который не имеет великой цели или общей правды, духовно мертв. А там, где нет жизни, не может быть и совершенства.

Но, оказывается, не все святые отреклись от земных благ. Трое из сопровождавших пророка святых — Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абудкас и хазрет Гусман—были известными богачами. В чем же дело? Причиной аскетизма святых, как мне кажется, было неверие в свои силы, возникшее из опасения, что сладости жизни ослабят их веру. Но это могло быть и своеобразным приемом, при помощи которого святые хотели заглушить в людях стремление к богатству. Святые неслыханным аскетизмом изводили себя и, должно быть, верили, что их самопожертвование послужит примером для масс. И хотя их попытка обратить усилия и помыслы мусульман к таким понятиям, как справедливость, благодеяние и преданность аллаху, были продиктованы огромной любовью к людям, они все же дошли до крайности, и путь этот оказался непрочным. Совершенства здесь могли достигнуть люди, сознательно обрекшие себя на мучительную жизнь. История показала, что редко кто отваживался на это. Тут требовались люди одержимые, твердые духом и телом, до фанатизма преданные аллаху, обладающие упорством ученого, беззаветно любящие людей. Почти немислимое дело, чтобы средоточием всех этих

качеств был один человек, и когда все же такой человек объявлялся, он оказывался пророком, гением, злом.

Безнравствен тот, кто считает, что любит аллаха и потому постиг истину веры.

Во-первых, нельзя уподоблять человеческую любовь привязанности животного.

Во-вторых, даже если ты стал мудрецом или ученым богословом, это еще не значит, что ты познал аллаха.

Между начитанностью и настоящими знаниями, по-моему, такая же разница, как между самой наукой и внешними признаками ее, когда зачастую красноречие выдается за мудрость, а энергичные, быстро соображающие люди сходят за ученых.

Аллах ничего не создал без повода, а если люди стремятся познать сущность сотворенного им мира, то эта тяга тоже определена всевышним. От познания мира люди обращаются к постижению природы самого аллаха, и, быть может, тогда рождается любовь к нему, ибо люди прежде всего уясняют то, что аллах сотворил их любя и сострада. Грешно, не поняв всего этого, уверять людей в своей любви к аллаху.

Мудрецом или мыслителем можно назвать только тех, кто своим умением, размышлениями и опытностью дошел до сознания высших духов-

ных сил и обязательно соединяет в себе любовь и правду.

Без подобных людей мир превратился бы в хаос. На пути установления истинного и ложного, определения причинности явлений, на пути мучительного искания блага для всего человечества мыслители забывают не только веселье, но и все удобства жизни. Самые лучшие человеческие творения создаются их умом. Их дела земные, но лишь на ниве их творчества утверждаются основы загробной жизни. И если богословие и оккультные науки рождают слепую веру, то разум мыслителей сеет веру истинную, сознательную.

Но не все мудрецы являются мусульманами. Большинство их, познав природу и человеческий характер, не постигли истины веры. Одни из этих мудрецов не признают аллаха, другие не принимают условий имана, третьи сомневаются в божественном начале восьми основных качеств человека. Однако наиболее энергичные из них нашли электричество и пути его использования, научились ловить молнию, держать связь на далеком расстоянии. Они подчинили своему разуму силу огня и воды, заставив ее работать на человека. И самое главное — они умеют направлять ум сотен людей на полезное дело. И потому мы обязаны им.

Великий пророк Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, писал в священной кни-

ге: «Хороший человек тот, который приносит пользу людям». Мудрецы, по моему убеждению, из таких людей. Нынче этих мудрецов называют тоже учеными, но следует отличать их от ученых богословов.

Теперешние муллы не терпят ученых. Это выдает невежество священнослужителей, склонность их к низменным вещам. И действительно, большинство мулл, научившись арабскому и персидскому языкам, начинают соперничать друг с другом и, движимые гордыней, мечтают лишь о том, как бы возвыситься. Для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают с толку людей. Вот и судите: какая от них польза людям. Нет, муллы превратились в недоброжелателей своего народа.

Муллы, если хотят сделать для людей что-либо полезное, должны прислушиваться к словам правды. Для этого прежде всего надо уяснить себе, что преследование правдивого слова — позор. И не только позор, а преступление, потому что правда именуется еще истиной, а истина — это аллах. И прежде чем бороться против ученых, постарайся понять, против чего в их лице ты восстаешь.

Пустое себялюбие, равно как и любое другое проявление эгоизма, погубило на этом свете не

одного человека. Мало поэтому стать муллой, надо стремиться быть человеком.

Великий Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, однажды сказал: «Когда наступит конец света, один день по своей тяжести покажется людям целым годом».

Мюриды задумались над его словами. И спросили они пророка: «От восхода до захода солнца правверные молятся пять раз. Молятся о своем спасении. Сколько же раз надо будет молиться в тот день, о котором вы говорите?»

Пророк Мухаммед, говорят, ответил так: «Это будет известно ученым богословам того времени».

Выходит, пророк не считал обряды чем-то незыблемым, а признавал их обновление. Знают ли об этом муллы? Впрочем, какой из этого толк? Ведь наши медресе обучают точно так же, как и в седую старину. Знания, получаемые в них, не отвечают духу времени и никак не могут быть применены в жизни. Потому муллы и проводят всю жизнь в бесполезных спорах и мелких дрязгах, преследуют друг друга. И это в то время, когда, например, в Турции уже давно открыты учебные заведения, где юношей обучают различным наукам, построено немало военных и других специальных школ.

Оставим в стороне мулл. Есть священнослужители, облеченные большей властью, чем муллы. Это ишаны, направляющие работу мулл це-

лого уезда или даже всей губернии. Ишаны все без исключения окончили медресе, философия их схоластична, и потому вреда от них даже больше, чем от невежественных мулл. Ишаны считают себя истинными проповедниками веры, хотя они, как легко заметить, безнадежно отстали от жизни; мнят себя духовными исцелителями людей, хотя совершенно ясно, что это вовсе не их удел. Это лживые и коварные люди, хорошо сознающие всю шаткость своего положения и никогда не расстающиеся с четками и чалмой. Их всегда видишь в окружении невежественных людей, слепо верующих в аллаха.

Мы убедились, что вера безгранична, и никто из смертных не в силах ее познать до конца. И тот, кто решительно и с полным сознанием вступил на этот путь, может называться истинным мусульманином. Советом ли, или имуществом он отныне обязан творить добро ближнему. И если он посвятит благодеянию всю свою жизнь, то можно надеяться, что он станет ближе к аллаху. Творить добро — долг каждого человека.

Но есть люди, помыслы и дела которых направлены на то, чтобы жить в достатке и красиво одеваться. Они из кожи лезут, чтобы выставить себя как на базаре и сорвать похвалу в свой адрес или вызвать чью-нибудь зависть. Но что

с того, если кто-то будет завидовать их нарядам? Преследовать в жизни только личные выгоды — значит быть ограниченным человеком. Не от большого ума идет желание человека обладать всеми благами мира. Достоинство человека определяется не внешностью и достатком. Аллах судит о человеке по его сердцу и уму. И люди, которые избрали богопротивный путь, равно как и люди, которые завидуют им, вряд ли когда-нибудь станут полноценными. Если они и поумнеют, то, должно быть, благодаря помощи людей невероятно добрых.

Всегда ли осуждается стремление к богатству? Нет. Устроенность жизни как бы очищает ум человека, а достаток создает условия для его развития. Нужда же, бывает, превращает человека в животное, все усилия которого идут на то, чтобы прокормиться, не умереть с голоду. Не имея возможности познать смысл жизни, он остается невеждой, а это противоречит назначению человека. Коран осуждает невежество, считая его глумлением над человеческим именем. Человек должен стремиться к богатству, как к средству, которое, во-первых, дает ему возможность оказывать неограниченную помощь своим братьям, во-вторых, не позволяет ему самому попасть в губительную зависимость от других. И то и другое означает, что изобилие необходимо для обеспечения свободы людей и создания

определенных условий для их духовного развития.

Наука постигается не для того, чтобы с ее помощью нажить богатство. Наоборот, богатство должно служить развитию науки.

Знание и ремесло — вот настоящее богатство.

Процесс овладения знаниями или искусством какого-нибудь ремесла — высшее благо.

Но для того, чтобы знания и искусство принесли пользу народу, они должны быть подчинены вере, ибо вера требует от людей благодеяния.

Всевышний создал мир по законам прекрасного, а людей — с благородным стремлением к совершенству и продолжению рода. Одной из важных предпосылок совершенства является дружба. В ней люди обязаны видеть свой долг. Но долг этот выполним только тогда, когда человек склонен к дружелюбию. Если твое расположение к кому-то вызвало ответное чувство, и если ваша дружба, основанная на взаимной любви и уважении, переросла в привязанность друг к другу, то эту дружбу можно считать настоящей. Прекрасно, когда такая дружба связывает большой круг людей.

Бескорыстная, чистая дружба исключает какое бы то ни было чувство неприязни, эгоизм

или попытку человека завоевать себе славу в глазах других, скажем, острым языком или из ряда вон выходящим поступком.

Есть два способа выделиться, обратить на себя внимание людей.

Первый заключается в том, что человек, столкнувшись со злом или несправедливостью, не опускается до уровня тех, кто творит это зло, а всеми силами противостоит им. Это человек со светлой душой. Его стойкость вызывает уважение.

Второй состоит в том, что человек избирает зло своим оружием. Он чинит людям неприятности, унижает их, если у него в руках власть, оскорбляет, если слаб. Это человек с темной душой. Его поведение оборачивается для него враждебностью людей.

Стремление отличиться во что бы то ни стало рождается себялюбием, что является чертой характера людей, не способных к дружбе. Себялюбие делает человека завистливым, зависть его озлобляет других, ему подобных, и таким образом люди теряют покой и становятся недругами.

Есть три вещи, которые унижают человека. Это невежество, леность и злодеяние.

Невежество — отсутствие знаний, а без знаний ничего не приобретается в этом мире. Не стремиться к знаниям — значит уподобиться животному.

Леность — враг человечества. Она в свою очередь рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету.

Злодеяние — античеловечно. Тот, кто все время норовит сделать людям зло, теряет свою человеческую сущность и превращается в зверя.

Люди должны иметь ума хотя бы настолько, чтобы противостоять этим трем порокам и стать знающими, чтобы быть в жизни энергичными и справедливыми. Надо всегда иметь перед собой примером чудотворную силу аллаха и надеяться на возможность своих рук и мыслей тоже как на чудо, верить, что каждое твое дело пойдет на пользу народу. Без этой надежды и веры — ты никто. Тебя хватит ненадолго. Не быть рабом аллаха — значит не быть слугой народа.

Да, всевышний ничего не создал зря. Все, созданное им, логично, имеет добрый смысл и разумно связано с другими его творениями.

Науки, например, как бы олицетворяют развитие людей, путь народов к прогрессу, путь познания людьми аллаха, природы, самих себя.

Долг прежде всего понимается как высокая нравственная категория, как обязанность человека совершать благодеяние.

Говорят: «поступок», — и обязательно думаешь, что человек должен поступить законно, разумно, по совести.

Говорят: «стремление»,— и веришь, что оно будет направлено к доброду, возвышенному, прекрасному.

Пророк Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, писал в хадисе: «Без стремления не бывает доброду дела». Значит ли это, что для постижения аллаха нужно обязательно соблюдать все обряды, требуемые муллами? Ведь сам пророк, как мы выяснили, не считал обряды чем-то незыблемым. Не идем ли мы по ложному пути?

Хорошо, вы совершаете омовение, молитесь, держите пост, вы стремитесь к воздержанию от мирских или чувственных отрад, но действительно ли все это дает вам успокоение? Внешне вы спокойны, даже невозмутимы, но так ли спокойна ваша душа?

Совершаемые вами обряды тогда искренни и полны смысла, когда вы всем существом признаете божью правду. И омовение, и молитвы— намазы, и пост должны быть лишь внешним проявлением убежденности; но если вы не прониклись безграничной верой в аллаха, то не превращаются ли эти обряды в величайшее выражение человеческого лицемерия?

Может быть, правы те ученые богословы, которые утверждают что есть одна вера, настоящая, и она не делится на сознательную и слепую. И обряды, по их мнению, являются лицом веры, украшают ее и только потому необходимы.

Я уверен: редко кто интересуется истинным назначением обрядов. Раньше они служили для сохранения чистоты веры. Служат ли они этому и сегодня? Наверное, все-таки глупо, когда люди, по настоянию мулл, молятся ради того, чтобы не казаться неверующими.

Но в чем заключается сущность молитвы?

Правоверный сперва освобождает тело от испражнений и совершает омовение. Становясь на молитвенный коврик, он проводит смоченной в воде ладонью по носкам и подъему ичигов, показывая всем, что он чист и совершил омовение. Потом точно так же проводит ладонями по лицу и шее, имитируя умывание. Надо отметить, что все движения рук идут сверху вниз, так, как стекала бы по телу вода, если бы он мылся. Теперь совершающий намаз готов к общению с аллахом.

Он трогает пальцами уши, и это тоже знак. Знак того, что он признает свое ничтожество перед аллахом и, не смея воздевать руки к нему, ибо аллах везде и нигде, он весь как бы превращается в слух. Взывает к его помощи, чтобы аллах удержал его от соблазнов, ибо он погряз в мирских грехах. Затем покорно складывает перед собой руки — раб стоит перед всемогущим повелителем и молча уверяет его в своей покорности. Оборачивается в сторону Мекки, ибо там родилась великая вера, и он надеется, что его молитвы будут услышаны аллахом.

Он читает молитву, начиная ее с суры фатиха — восхваления всевышнего. Разъяснять эту суру — долгая история, да и взялся я прокомментировать лишь внешнюю сторону обряда.

Молитва продолжается... Руки прижимаются к коленям и кладется первый поклон. Им как бы говорится, что молящийся непосредственно предстал перед аллахом. Опускается на колени и касается лбом земли, повторяет поклон и выпрямляется. Великолепное выражение мысли, что он, человек, вышел из земли и уйдет в землю, что он продолжит жизнь в потустороннем мире и в конце концов предстанет перед страшным судом всевышнего. Молитва приближается к концу... Последнее коленопреклонение — еще одно приветствие, еще одно выражение своей признательности аллаху, еще одна просьба, чтобы аллах одарил милостями своими пророка, который придет к людям.

Молитва закончена. Творцу принесены покаяния, любовь, благодарность его раба и просьбы за будущее всех мусульман.

Вот как выражается человеком его вера.

Но что дает это внешнее проявление самой вере и людям? Кто объяснит это мне?

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ СЛОВО

У наших отцов и дедов по сравнению с сегодняшним поколением, конечно, было меньше знаний. Они были бесцеремоннее в обращении, менее культурны, чем мы. Но деды наши обладали такими двумя качествами, которыми мы сейчас никак не можем похвалиться. Это стремление к единству и забота о чести.

Мы приобрели многое, стали образованнее: жизнь безудержно движется вперед. Но, не вернув себе этих двух возвышающих человека качеств, мы не сможем встать в ряд с великими народами. Больше того, все наши достижения и поиски, оборачиваются не на пользу нам, а во вред.

В давние времена в народе умели почитать лучших мужей. Самых мудрых и честных из них облачали особыми полномочиями и называли «ель-басы» — глава народа и «топ-басы» — предводитель общины. Эти избранные решали тяжбы и управляли жизнью страны, а все остальные беспрекословно подчинялись их воле и занимались своими большими или малыми хозяйственными делами. В народе говорили: «Возьми в руки альчик и, если годится, сделай из него биту», — но при этом добавляли: «Ког-

да каждый мнит себя бием, людям тесно на земле; когда народ един со своим вождем, он не сгорит и в огне».

Да, народ стоял стеной за своих предводителей, отдав им в руки бразды правления и помогая им во всем. Он не замечал недостатков своих кумиров, славил их прозорливость. И, почитая их как божество, он становился лучше и сам. О чем же, как не о благоденствии и возвышении своей страны оставалось печься вождям, когда богатство народа было их богатством, а люди были их братьями?

В степи бытовала и такая пословица: «Кто не дорожит своею честью, того чужой обидит». И снова люди предостерегали друг друга: «Жажущий отмщения за личную обиду приносит вред общему делу».

Говорили еще: «Шестеро склочников упустят то, что они уже держат в руках, четверо дружных добудут даже то, что спрягано на небе», «Кто любит дорогу, найдет казну, кто любит спор, повстречает беду», «Родич может потерять человеческий облик, но никогда не теряет кровных уз».

Да, когда в аулах упоминали имена предков и взывали к их духу, сородичи прекращали междоусобицы и забывали всякие обиды. Вставали как один на защиту обиженного.

Где сейчас эти два высоких качества? Они тоже были плодами достоинства и стойкости, и,

потеряв эти славные качества предков, мы потеряли все.

Теперь не дружат. Душевное расположение заменил обман. И не умеют враждовать. Гнев подменен завистью и склоками.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Кто ответит на мои вопросы?

Почему у нас, у казахов, хвалят мертвых, а о живых ходит лишь недобрая молва?

Почему ослабевшие старики ладят с молодыми, а между собой, хотя и теряют каждый день кого-то из своих ровесников, не могут жить в согласии?

Мы болеем душой за дальнего родственника и любим его, как родного брата, пока он живет на чужбине. Но когда ему удается вернуться на родину, мы через некоторое время обрушиваемся на него как на врага. Почему так происходит?

Увидав достойного в чужом народе, мы восхищаемся им, превозносим до небес, называя его лучезарным, светоносным... Но почему мы не признаем своих соплеменников, будь они даже на голову выше чужаков?

Почему, приезжая в далекую чужую страну, человек врет без зазрения совести, хвастаясь

своим краем, а возвратившись домой, снова лжет, теперь уже расточая похвалы чужим землям?

Почему казах обожает своего ребенка, пока тот мал, и быстро охладевает к нему, когда он уже вырос?

Почему иных родичей не докличешься на радостный той или тяжкие похороны, но они тут как тут, когда дело доходит до набегов и воровства?

Как понять родича, который и пальцем не пошевелил, чтобы твой скакун первым пришел к финишу, но обиделся, когда ты обошел его при делении приза?

В старину люди до самой смерти помнили оказанную им услугу. «Такой-то, дай бог ему счастья, помог мне добраться до жилья, когда мой конь вконец выбился из сил»,— с благодарностью вспоминали они. Почему в наши дни, приняв твою помощь, люди тут же забывают об этом?

Чем объяснить, что сын бая, обнищав, не стыдится воровать, а служить другому баю считает для себя зазорным?

Двое хороших людей не могут ужиться в одной ауле, а два подлеца сойдутся так тесно, что их водой не разольешь. Как это получается?

Почему тот, кого ты считал другом и посадил на скакуна, отвернулся от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему порой человек не довольствуется привычной беседой с умным человеком, а до смерти жаждет услышать слово врага?

Почему человек не желает счастья своему другу? И почему, если друг как-то возвысился, непримиримым врагом ему становится именно этот самый человек?

Есть люди, которые не могут найти себе советчика. Но почему они избегают тех, которые способны видеть всю их подноготную?

Некоторые люди в гостях ведут себя так, как будто пригнали с собой весь свой скот. Но почему они отгоняют скот подальше от дома, когда к ним самим приезжают гости?

Почему люди всегда жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?

Почему живые, вдохновенные люди неимущи даже тогда, когда они правят народом?

Почему токал — младшие жены — всегда строптивы?

Почему люди безнравственные всегда решительны?

Почему глупые упрямыцы поступают наперекор рассудку?

Почему сдержанные, ведущие умеренный образ жизни люди считаются слабыми, а распутники и хвастуны, везде и всюду учиняющие скандалы, слынут удалыми?

Казахов не удивишь правдивым словом. Они не прислушиваются к нему, отмахиваются от

него так, словно бы им недосуг заниматься пустыми разговорами. Но стоит появиться вымыслу, как они сбиваются вокруг него, подобно молоку, в которое брошена закваска, и не уйдут, пока не дослушают его до последнего слова. Почему же казахи падки на кривду?

СОРОК ПЕРВОЕ СЛОВО

Человек, который по-настоящему озабочен будущим казахов и собирается не только давать советы, а и осуществлять их на деле, должен удовлетворять одному из двух требований.

Первое условие: в руках этого человека должна быть сосредоточена вся власть по управлению народом. Только тогда он сможет насильно забирать у родителей детей и посылать их учиться. Дети должны быть определены в различные медресе, ибо наук великое множество и необходимо овладеть ими всеми. Девушек тоже следует приобщить к учебе, пусть они изучают хотя бы религиозные науки, если невозможно заняться другими. Надо добиться, чтобы народ дал средства, необходимые для учебы детей и их содержания. И вот тогда, когда юноши и девушки обогатят себя знаниями, а их состарившиеся отцы уже перестанут повелевать степью, может быть, тогда казахи и выправят свое незавидное положение.

Второе условие: в руках этого человека должны быть несметные богатства. Только тогда он будет способен одарить всех казахов, у которых заберет детей, чтобы послать их на учебу.

Но нет сегодня такой власти, которая была бы так сильна, чтобы держать народ в повиновении. И не найти в степи богача, который был бы в состоянии задобрить миллионы людей. А словами казаха не возьмешь: угрозами его не испугаешь, упреками не устыдишь. Невежество досталось им в наследство от отцов, вместе с материнским молоком вошло оно в их кровь и плоть и убило в них стремление к прекрасному. И не думают они, что есть на свете вещи более интересные, чем глупый смех, шушуканье, споры и грызня. Если и приходит им в голову такая мысль, она долго не задерживается. Тщетно доказывать это казаху: в одно ухо впустит он твои слова, из другого выпустит. Так кто же мы в конце концов — народ или неуправляемая толпа? И что нам предпринять, чтобы стать просвещенным народом?

СОРОК ВТОРОЕ СЛОВО

Пристрастие казаха к дурному объясняется бездельем. Если бы он занимался хлебопашеством или торговлей, у него не оставалось бы и мало-мальски свободного времени на глупости. Но казахи не привыкли пахать землю или торговать.

Безделье же превратило казаха в бродягу. Выпросив у кого-нибудь на время лошаденку, он скитается из одного аула в другой, чтобы жить на дармовщину, или собирает сплетни, стараясь вовлечь людей в интригу и рассорить их, или же сам вместе с подобными себе строит другим козни. Честный труженик посчитал бы такую жизнь собачьей. Как ни тяжела работа, он не променяет ее на бродяжничество.

Богачам кажется скучным жить, занимаясь разведением скота. Они оставляют стада на попечение пастухов или своих малолетних детей и покидают дома. Богачи терпят, когда их стада становятся добычей воров и хищников или гибнут от холода и бескормицы, но они не могут вынести, когда остаются в стороне от участия в заговорах, сплетнях и дрязгах. Они обязательно должны разъезжать по аулам, встречать во все споры и тяжбы, а потом, развалив-

шись за чужим дастарханом, развлекаться пересудами о людских несчастьях.

Это превратилось в привычку народа, ибо плохое быстро становится достоянием толпы.

В степи теперь не ценят людей, знающих толк в ведении хозяйства, умеющих пасти и выращивать скот, зато почитают смутьянов и сплетников. Немало добрых казахов побросали свое большое или маленькое хозяйство и скитаются сейчас по степи. Они выуживают сплетни, ищут ссор, питаются у чужих дастарханов. Им нет дела до того, что хозяйства их, за которыми присматривают знакомые или соседи, хиреют, а семьи терпят нужду.

Не богатством хвалятся нынче люди, а умением надуть честного человека, не умом и честью гордятся, а искусством составления доносов на своих врагов. Даже бедняк-однолошадник, никогда не державший в руках нарядной камчи, познав эти два «искусства», вымогает у какого-нибудь бая хорошего коня, ест жирный бесбармак, садится в гостях на почетное место.

Эти люди знают богачей, равнодушных к лести, как свои пять пальцев. Сперва они добиваются их расположения «добрыми советами», а потом и вовсе подчиняют их себе. «Вы только прикажите, — лебезит подобный «советчик». — А я уж живота не пожалею ради вас. Готов идти в огонь и воду...» Глядишь, — он уже распоряжается богатством своего подопечного, будто

собственным, и становится в ауле уважаемым человеком. Несчастный же богач не понимает, что отныне он навсегда потерял свою независимость и спокойствие. Не видит он, что зазря раскошеливается. Постепенно он привыкает по любому поводу советоваться с проходимцем, который стелется перед ним коровьей иноходью, чтобы не потерять своего положения. «О мой повелитель! Неужели вы не знаете его? — нашептывает он на ухо баю о человеке достойном. — Ведь это же известный интриган! На эту его уловку вы должны ответить так, а вот на ту — эдак». И добивается того, что бай начинает заноситься и говорить доброму человеку не те слова. Отворачивается от бая добрый человек, недовольный разговором с ним, а советчику только этого и надо. «Вот видите, каким он оказался? — заключает он. — Хорошо, что вы последовали моему совету. Хитрил ведь! Разве доброжелатель так поступил бы?..» Теряет волю бай и отныне и шагу ступить не может без своего советчика. Перестает он верить людям, и люди больше не верят ему.

Таков нынче разум степняка и образ его жизни.

СОРОК ТРЕТЬЕ СЛОВО

Душа и тело даны человеку природой. Свойства же его различного происхождения. Одни,

так называемые произвольные, рождаются вместе с человеком, другие приобретаются им в результате труда. Потребность есть и пить — прирожденная. Сон тоже. Желание увидеть мир и познать его — также произвольная потребность. И только ум и знания являются плодами трудовой деятельности человека.

Человек познает мир, наблюдая глазами, слушая его звуки ушами, прикасаясь к предметам руками, вдыхая запахи носом, определяя вкус языком. Все его ощущения — и приятные и неприятные — запоминаются ему, как определенные образы. Усваиваясь указанными пятью органами чувств, они располагаются в памяти в определенном соотношении, создавая некую систему образов. Образность того или иного явления или предмета, прочность закрепления его в памяти находятся в прямой зависимости от силы впечатления, произведенного этим предметом или явлением. Впечатление от какого-нибудь нового явления может привести в движение целый ряд ранее усвоенных образов, и некоторые из них становятся еще более яркими, а другие тускнеют. Итак, мы имеем дело не с системой неких застывших образов, сложившейся от первоначального восприятия, а с непрерывно изменяющейся формой познания мира. Человеческий дух постепенно крепнет этими приобретениями — радостями и переживаниями. Нетрудно понять, почему сила духа на первых по-

рах слаба: она в этот период, в основном, зависит от объема или суммы познаний. То есть, чем больше отягощена память, тем больше крепнет человеческий дух, его воля. Человек критического ума, склонный к анализу, умеющий отделять нужное от ненужного, как правило, обладает сильным духом. А тот, кто не размышляет над услышанным и увиденным, не только не приобретает нового, но и теряет старые познания. Дух его слабнет. Человека, понявшего это, думается, уже можно назвать умным.

Но есть иная категория людей. «Что я могу поделывать, раз бог не наделил меня умом? — разводят они руками.— Он создал нас неодинаковыми: ты умен, а я — нет...» Эти люди клеветуют на бога, чтобы обелить свое невежество и лень. Разве бог говорил кому-нибудь из них: «Не наблюдай, не прислушивайся, или не задумывайся над тем, что увидел и услышал, или не запоминай ничего?» Разве бог заставил его, скажем, предаваться безудержному веселью, гнаться за угощениями, подолгу спать или хвастать? Нет, не бог виноват в том, что этот человек потерял духовные ценности и превратился в животное.

Вообще, странных людей на свете хоть отбавляй. Есть и такие, которые согласны, что ум складывается в процессе труда, а желание — это произвольное чувство, изначально заложенное в человеке. Спорить тут не приходится, ибо

стремление познавать можно заметить в каждом ребенке. Но дальше эти люди утверждают: у кого было больше желания, те, понятно, стали умными, а у кого желания было меньше, те не смогли ничего достичь. Неверное утверждение. Мы уже говорили: сила духа на первых порах жизни человека незначительна, и если не развивать своего стремления к познанию, то легко потерять даже то малое, что имеешь. Мастерство человека, его искусство шлифуются непрерывными занятиями, упражнениями. Бездеятельность приводит к тому, что постепенно начинают стираться те или иные грани мастерства, а потом перестает существовать и само мастерство. Человек может даже не заметить, что он стал другим. Ведь мастерство или знание не предупреждает, вот, мол, я ухожу... Просто человеку нужно всегда помнить, с каким трудом он рос и познавал мир. Потеряв свои знания однажды, невероятно трудно овладеть ими снова: может не хватить силы духа.

О силе духа, или, как говорят, о душевной силе, можно писать бесконечно, ибо рассуждения о ней представляются мне началом самостоятельной науки. А всякая наука беспредельна...

Но есть три свойства, которые, как мне кажется, составляют основу человеческой сущности.

Первое — живость восприятия. Что бы ты ни увидел и ни услышал, о чем бы ни узнал, ты

должен не только быстро установить суть нового, но и выяснить, что оно даст тебе в будущем. То есть, необходимо определить при этом две возможные крайности: какая будет от него польза и какой вред. Без подобной подвижности ума, которая в кратчайшее время выясняет степень ценности нового, нельзя считать достаточно полезной даже самую кропотливую и долгую учебу. Человек обязан научиться вовремя продумывать сложившуюся ситуацию, вовремя принимать решение и осуществлять его, короче говоря, он должен вовремя сказать свое слово. В противном случае его всю жизнь будет преследовать раскаяние. «Ах, какая досада! — будет думать он. — Надо было поступить иначе. Упустил я время...»

Второе — это свойство, объясняемое через притягательную силу однородного. Эта сила в способности сравнивать то новое, что человек узнал, с уже известными ему истинами. Действительно ли они однородны полностью? Или, скажем, схожи только отдельные свойства? Желание установить связи между новым и старым заставляет человека спрашивать о непонятном у других, изучать его по книгам, размышлять.

Третье — это впечатлительность сердца. Его можно сохранить, если оберегать сердце от хвастовства, корыстолюбия, легкомыслия и беспечности. Тогда, как в чистом зеркале, отразится в сердце любой образ, и он воспримется всем че-

ловеческим существом и запомнится надолго. Если же не удастся сохранить сердце в чистоте, то исказится отраженный в нем мир: он предстанет неверным и тусклым. Какой смысл имеет для человека подобное знакомство с новым? Оно увидено им в ложном свете и обязательно приведет к ошибкам.

Силой своих рук человек добывает имущество: оно несет в себе благо жизни, но в нем достаточно и вреда. Человек обязан знать обо всем этом, иначе он не удержит своего состояния.

Силой духа и волей человек постигает науку. Но и у науки есть свои сильные и слабые стороны. О них тоже должен знать человек, тогда ему будет ясно, как развивать науку и извлекать из нее максимум пользы для блага народа.

Но все хорошее в мире имеет свою меру, и знать ее — большое дело. Нельзя, например, уподобляться человеку, который, фанатично отдавшись делу, теряет здравый рассудок. Все, что сверх меры, — зло. В еде и питье, в смехе и веселье, в объятиях и поцелуях, в стремлении накопить богатство, в ловкости и хитрости, в одежде, — во всем должна присутствовать мера.

Древние мудрецы говорили: «То, в чем ты всегда находишь радость, однажды принесет тебе и огорчение». Так пусть не останется тайной, что живость восприятия и умение сопоставлять вещи — это две силы, которые, объединившись, дают все необходимое человеку. В них сокрыто и

добро и зло. И карьеризм, и хвастовство, и злобность, и лживость, и все остальные пороки рождаются ими.

Умея отличать хорошее от плохого, человек в силах не поддаваться пагубным страстям. Но одним разумом все же не устоять. Разум должен объединиться с волей, и тогда можно обуздать страсти. Тот, кто обладает этими двумя качествами, может управлять живостью восприятия и силой притяжения однородного однородным, как верным иноходцем, которому знаешь где доверить поводыя.

Но если разум и воля твои невелики или ты обладаешь лишь одним из этих качеств,— считай, что ты потерял власть над двумя свойствами духа. Ты окажешься в положении всадника, который, сев на невзнузданного дикого коня, рискует разбиться о скалы, упасть на камни или свалиться в воду. Бог знает, где и когда это случится. У тебя нет иного выбора, кроме как ждать беды. Развевая полы халата и устремив глаза в небо, ты несешься, и унижение от собственного бессилия будет преследовать тебя до самой последней минуты.

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО

Самый жалкий человек — это человек без стремлений. Но стремления бывают разные, да и люди непохожи друг на друга: по-разному

идут к цели. Надо сказать, что само по себе это свойство воспитывает постоянство и обогащает ум.

Независимо от того, имеет ли человек какое-то стремление или не имеет, он радуется, когда его кто-то хвалит. Душа его тянется к этому человеку и зачастую он даже не думает о том, заслуженная ли это похвала или незаслуженная.

Человек обычно делится мыслями с близкими себе людьми, и когда ждет одобрения своего поступка или признания заслуг, то ждет этого именно от них. Похвалы людей иной среды он не жаждет так сильно. Странно идет человек к славе.

Большинство людей стремится к благополучию. И это понятно.

Досадно, когда видишь людей, рвущихся к власти или богатству. Для таких, как говорится, в достижении своей цели все средства хороши. Жадностью и хитростью накапливают они богатство, ибо знают: народ не осудит толстосума, превратись он хоть в собаку. Разве не народ сложил такие пословицы: «Кто богат, тот и прав» или: «У богатого лик светел, темен он лишь у нищего?» И вот люди считают, что только богатство приносит почет и славу, и они правы, если смотреть на мир глазами степного народа. Но с общечеловеческой точки зрения — это, конечно, глупо и неверно.

И точно так же, как жаждут богатства и похвал, люди хотят прослыть храбрецами, знатоками, ловкачами, хитрецами, святыми людьми — хаджи и муллами... При этом каждый мнит себя самым необходимым для народа человеком. Они делают свой выбор, прощупав пульс казаха и определив, какое из перечисленных «достоинств» сейчас больше в цене и принесет им выгоду. Это не тот выбор, о необходимости которого для народа узнают по книгам.

Люди, интересующиеся книгами, знают, что сперва надо позаботиться о душевной чистоте, а потом уже посвятить себя служению аллаху и народу.

Разве думают сейчас казахи о чистоте души? Наоборот, для того, чтобы достичь какой-то большой цели, считают они, надо стараться быть нечувствительным, грубым.

Разве не видно теперь, чему учились казахи и что составляет их стремление?

СОРОК ПЯТОЕ СЛОВО

Самым веским доказательством существования аллаха является то, что многие тысячелетия люди на разных языках говорят об одном и том же: о великом и непогрешимом боге. Сколько бы ни было видов религии, все они

утверждают, что богу присущи справедливость и любовь.

Мир создали не люди — они только познают уже сотворенный аллахом мир. Люди стремятся к высшей справедливости и любви, и мудрым становится тот, кто искренне поверил и понял величие аллаха. Именно искренне поверил, а не заставил себя уверовать в это.

Сущность человека составляет любовь, справедливость и душевность. Люди не могут обходиться без этих начал. Просто в жизни не бывает случая, когда бы не участвовали они и не предрешали ту или иную человеческую судьбу. Таким создал всевышний наш мир.

Даже у жеребца, когда он покрывает кобылу, проявляется любовь.

Ученый и мыслитель — гордость человечества. Ими становятся те, у кого больше чувств и ума. Мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире.

Содержание

1890

Первое слово	6
Второе слово	7

1891

Третье слово	9
Четвертое слово	13
Пятое слово	15
Шестое слово	16
Седьмое слово	17
Восьмое слово	19

1892

Девятое слово	21
Десятое слово	22
Одиннадцатое слово	25
Двенадцатое слово	26
Тринадцатое слово	27

1893

Четырнадцатое слово	29
Пятнадцатое слово	30
Шестнадцатое слово	32
Семнадцатое слово	33

Сорок второе слово	.	. 114
Сорок третье слово	.	. 116
Сорок четвертое слово	.	. 122
Сорок пятое слово	.	. 124



Редактор *Р. Ароslанова*. Художник *М. Кисамединов*. Худож. редактор *А. Рахманов*. Технич. редактор *С. Лепесов*. Корректоры *М. Кац* и *А. Сокульская*. Сдано в набор 16/VI-1970 г. Изд. № 304. Подписано к печати 7/IX-1970 г. Бумага тип. № 1. Формат 60×90¹/₁₂₈=4,0 п. л. (Уч.-изд. л. 4,3). Тираж 56 800 экз. Цена 57 коп. Заказ № 999. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.